Льюис Кэрролл

Алиса в Стране чудес

Lewis Carroll

Alice's Adventures in Wonderland

Lingua

Алиса в Стране чудес / Alice’s Adventures in Wonderland

Льюис Кэрролл

Аннотация
Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес / Alice's Adventures in Wonderland
Дорогие друзья!
Lewis Carroll. Alice's Adventures in Wonderland
- Chapter I. Down the Rabbit-Hole
- Chapter II. The Pool of Tears
- Chapter III. A Caucus-Race and a Long Tale
- Chapter IV. The Rabbit Sends in a Little Bill
- Chapter V. Advice from a Caterpillar
- Chapter VI. Pig and Pepper
- Chapter VII. A Mad Tea-Party
- Chapter VIII. The Queen's Croquet-Ground
- Chapter IX. The Mock Turtle's Story
- Chapter X. The Lobster Quadrille
- Chapter XI. Who Stole the Tarts?
- Chapter XII. Alice's Evidence

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес
- Глава I. Вниз по кроличьей норе
- Глава II. Море слёз
- Глава III. Бег по кругу и длинный рассказ

Глава IV. Билль вылетает в трубу
Глава V. Совет от Гусеницы
Глава Vi. Поросёнок и перец
Глава VII. Безумное чаепитие
Глава VIII. Королевский крокет
Глава IX. История Черепахи Квази
Глава X. Кадриль омаров
Глава XI. Кто украл крендели?
Глава XII. Алиса даёт показания

Аннотация

Зачем белому кролику карманные часы? Почему улыбается Чеширский кот? Чем ворон похож на конторку? Как играть в королевский крокет? Отправляйтесь вместе с Алисой вниз по кроличьей норе в Страну чудес, где вас ждут увлекательные приключения, неожиданные встречи с необычными существами, безумное чаепитие и даже суд!

Адаптированный английский текст и перевод на страницах одной книги помогут легко познакомиться с лучшими произведениями мировой литературы и выучить английский язык с удовольствием. Благодаря параллельным текстам вы быстро расширите свой словарный запас, а также усвоите употребительные грамматические конструкции и устойчивые выражения.

Английский текст полностью озвучен носителем языка и бесплатно доступен для прослушивания по QR-коду, расположенному в начале каждой главы.

Издание адресовано всем, кто хочет совершенствовать свои знания и читать литерату-

ру на языке оригинала.

Льюис Кэрролл
Алиса в Стране чудес / Alice's Adventures in Wonderland

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Дорогие друзья!

Как известно, лучший способ учить иностранный язык — это читать художественную литературу. Но чтение должно быть не только полезным, но и увлекательным. Поэтому мы отобрали для вас лучшие произведения мировой литературы.

В книгах серии «Английская коллекция: читаем, переводим, слушаем» вы найдёте адаптированные тексты произведений на английском языке с параллельным переводом на русский.

Все английские тексты озвучены носителями языка и абсолютно бесплатно доступны для прослушивания по QR-коду, расположенному в начале каждой главы. Необходимо всего лишь отсканировать нужный QR-код и нажать на кнопку воспроизведения.

Желаем успехов!

Lewis Carroll
Alice's Adventures in Wonderland

Chapter I
Down the Rabbit-Hole

Alice was boring. She was sitting by her sister on the bank of the river, and doing nothing. Once or twice she looked at the book that her sister held in her hands, but there were no pictures in it. 'What is the use of a book,' thought Alice 'without pictures or conversations?'

She decided to get up and pick some flowers, when suddenly a White Rabbit with pink eyes ran nearby.

There was nothing remarkable in that; but the Rabbit said, 'Oh dear! Oh dear! I am late!' Then the Rabbit took a watch out of its pocket, and looked at it. Alice stood up. How strange! A rabbit has pockets, and a watch! She ran across the field after it. The Rabbit jumped into a large rabbit-hole under the hedge.

Alice went after it. The rabbit-hole was like a tunnel. Alice began to fall down a deep well. The well was very deep, and she was falling very slowly. Down, down, down. Where is the end?

It took her a long time to go down, and as she went she had time to look at the strange things around her. First she tried to look down, but it was too dark to see. Then she looked at the sides of the well and saw many book-shelves; here and there she saw different maps. She took a jar from one of the shelves as she passed. On it was a label 'ORANGE MARMALADE', but there was no marmalade in it, so she put it back on one of the shelves.

'I'm sure I am going to the centre of the earth,' Alice said aloud. 'It is four thousand miles down, I think. But maybe I am falling right through the earth! How funny! The people there walk with their heads downward! I shall ask them what the name of the country is, you know. Please, Ma'am, is this New Zealand or Australia?'

Down, down, down. Nothing to do. Alice soon began to talk again. 'Dinah will miss me very much tonight, I think!' (Dinah was the cat.) 'I hope they'll give her milk. Dinah my dear! Where are you? Why not with me down here? There are no mice in the air, I'm afraid, but you can catch a bat. But do cats eat bats? Do cats eat bats? Do cats eat bats? Dinah, tell me the truth: do you eat bats?'

Suddenly, thump! thump! she came upon a heap of sticks and dry leaves. Alice jumped up on to her feet very fast: she looked up, but it was dark there. Before her was another long passage, and the White Rabbit went down it. Alice went like the wind. The Rabbit was saying, 'Oh my ears and whiskers, how late, how late!' And he disappeared.

Alice stood in a long, low hall, a row of lamps was hanging from the roof. There were many doors on all sides, but they were all locked. She walked back and forth and tried to think how to get out. Suddenly she saw a little glass table; there was a tiny golden key on it. Alice thought that this was the key to one of the doors of the hall, but when she tried the key in each lock, she found that the locks were too large or the key was too small.

Then Alice noticed a little door about fifteen inches high. She tried the key in the lock, and to her great

joy it fitted. Alice opened the door and found a small passage, not larger than a rat-hole. But how to get there? She was too big for that passage. She knelt down and looked through it into a garden of flowers.

Alice went back to the table: this time she found a little bottle on it, which was not there before, and round the neck of the bottle was a paper label with the words 'DRINK ME' in large letters.

It was all very well to say 'Drink me,' but the wise little Alice said, 'No, I'll look first. Is it marked “poison” or not?' She knew: if you drink much from a bottle marked 'poison,' it will certainly make you sick.

However, this bottle was not marked 'poison,' so Alice decided to taste it, and found it very nice (it had a taste of a cherry-cake, ice-cream, pine-apple, roast turkey, and hot toast).

'How strange I feel' said Alice; 'I am sure I am not so large as I was.'

And so it was indeed: she was now only ten inches high. She was now the right size to go through the small door and get out to that beautiful garden. So she decided to enter; but, alas for poor Alice! she forgot the little golden key, and when she went back to the table for it, she could not reach it: she was too little. Poor little Alice sat down and cried.

Soon she saw a little glass box that was lying under

the table: she opened it, and found in it a very small cake, on which she noticed the words 'EAT ME'. 'Well, I'll eat it,' said Alice, 'and if I grow larger, I can reach the key; and if I grow smaller, I can creep under the door!'

She soon ate all the cake.

Chapter II
The Pool of Tears

'How strange!' cried Alice; 'how tall I am! Good-bye, my feet! Oh, my poor little feet, who will put on your shoes and stockings for you now, dears?'

When she looked down at her feet they were so far off.

'Let me see. I'll give my feet a new pair of shoes every Christmas.'

She stopped to think: how to send them?

'They must go by mail,' she thought; 'how funny! I'll send shoes to my own feet! How strange the address will be!'

Just then her head struck against the roof of the hall: in fact she was now more than nine feet high, and she at once took up the little golden key. But she can't open the door, she is too big. Poor Alice! She sat down and began to cry again.

'Shame on you,' said Alice, 'a big girl like you! Don't cry! Stop at once, I tell you!'

She was shedding gallons[1] of tears, until there was a large pool all round her, about four inches deep and reaching half down the hall.

After a time she heard some noise. She hastily dried her eyes to see what was coming. It was the White Rabbit. He was returning, with a pair of white gloves in one hand and a large fan in the other. He was muttering to himself, 'Oh! the Duchess, the Duchess! She will be angry. Oh! I can't be late!'

Alice began, in a low, timid voice, 'If you please, sir-'

The Rabbit dropped the white gloves and the fan, and ran away into the darkness.

Alice took up the fan and gloves. 'Dear, dear! How

---

[1] Примечания: 1

gallon — галлон (мера объёма), английский галлон = 4,5461 литра

queer everything is today! And yesterday everything was as usual. Was I changed in the night? Let me think, who am I? Do I know the things that I used to know? Let me see: four times five is twelve, and four times six is thirteen, and four times seven is-oh dear! I shall never get to twenty at that rate[2]. Let's try Geography. London is the capital of Paris, and Paris is the capital of Rome, and Rome-no, that's all wrong, I'm certain! Who am I then?' cried Alice with tears, 'I am so tired!'

As she said this she looked down at her hands, and was surprised. She put on one of the Rabbit's little white gloves. 'How could I do that?' she thought. 'I am growing small again.'

She got up and went to the table. She was now about two feet high. The cause of this was the fan that she was holding, and she dropped it hastily.

And she ran back to the little door: but, alas! the little door was shut again, and the little golden key was lying on the glass table as before. Her foot slipped, and in another moment, splash! she was in salt water. She was in the pool of her own tears!

---

[2] Примечания: 2

I shall never get to twenty at that rate. — Так я никогда не дойду до 20. (в английских учебниках арифметики таблица умножения обычно заканчивается на 12; то есть, если считать по методу Алисы, то получится: 4x5=12, 4x6=13... 4x12=19)

'I am drowning in my own tears!' said Alice, 'everything is queer today.'

Just then she heard a splash: at first she thought it was a walrus or hippopotamus, but then she remembered how small she was now, and she soon understood that it was only a mouse.

'Shall I' thought Alice, 'speak to this mouse? I'll try.' So she began: 'O Mouse, do you know the way out of this pool? I am very tired, O Mouse!'

The Mouse looked at her, but it said nothing.

'Perhaps it doesn't understand English,' thought Alice; 'Maybe it's a French mouse.' So she began again: 'Où est ma chatte?[3]' It was the first sentence in her French lesson-book. The Mouse was in terror.

'Oh, I beg your pardon!' cried Alice hastily. 'I quite forgot you didn't like cats.'

'Didn't like cats!' cried the Mouse, in a shrill, passionate voice. 'I am a mouse, can't you see?'

'Yes, yes,' said Alice: 'don't be angry. But there are good cats, for example, our cat Dinah. She is very clever and beautiful. And she likes to catch mice… — oh, I beg your pardon!' cried Alice again. 'We won't talk about Dinah anymore.'

'We indeed!' cried the Mouse. 'Our family always

---

[3] Примечания: 3

Où est ma chatte? — Где моя кошка? (*франц.*)

hated cats: nasty, low, vulgar animals! Don't talk about cats again!'

'I won't!' said Alice. 'Do you-do you-like-dogs?' The Mouse did not answer.

'There is such a nice little dog near our house! A little bright-eyed terrier, you know, with oh, such long curly brown hair! It can do everything-and it belongs to a farmer, you know, and he says it's so useful, it's worth a hundred pounds! He says it kills all the rats and... oh dear!' cried Alice in a sorrowful tone, 'I'm sorry!'

The Mouse was swimming away from her very fast. Alice called softly after it, 'Mouse dear! Come back again, and we won't talk about cats or dogs, if you don't like them!'

When the Mouse heard this, it turned round and swam slowly back to her: its face was quite pale, and it said in a low voice, 'Let us get to the shore, and then I'll tell you my story, and you'll understand why it is I hate cats and dogs.'

The pool was overcrowded with the birds and animals. Everybody swam to the shore.

Chapter III
A Caucus-Race and a Long Tale

The Mouse said, 'Sit down, all of you, and listen to me!' They all sat down at once, in a large ring, with the Mouse in the middle.

'Ahem!' said the Mouse, 'are you all ready? Silence, if you please!'

And

it began to talk about William the Conqueror[4].

'Ugh!' said the Lory, with a shiver.

'I beg your pardon!' said the Mouse, frowning, but very politely: 'Did you speak?'

'Not I!' said the Lory hastily.

'I proceed,' said the Mouse. 'Edwin and Morcar, the earls of Mercia and Northumbria, found it-'

'Found WHAT?' said the Duck.

'Found IT,' the Mouse replied: 'of course you know what “it” means.'

'I know what “it” means well enough, when I find a thing,' said the Duck: 'it's generally a frog or a worm. The question is, what did those gentlemen find?'

The Mouse did not notice this question.

'How are you, my dear?' it asked Alice.

'I'm wet,' said Alice.

How to get dry? They had a long talk about this, but it was hard to tell what was best.

'I think,' said the Dodo, 'that the best thing to become dry is a Caucus-race.'

'What is a Caucus-race?' said Alice.

'Oh,' said the Dodo, 'the best way to explain it is to do it.'

First it painted a circle, and then everybody began

---

[4] Примечания: 4

William the Conqueror — Вильгельм Завоеватель (король Англии, один из крупнейших политических деятелей Европы XI в.)

to run. Soon they were quite dry again, and the Dodo said 'The race is over!'

The birds and animals began to ask, 'But who is the winner?'

Dodo said, 'Everybody is a winner, and will have prizes.'

'But who will give the prizes?' they asked.

'She, of course,' said the Dodo, and pointed to Alice with the long claw. And everybody at once crowded round her and cried, 'A prize, a prize!'

Alice had no idea what to do, and in despair she put her hand in her pocket, and pulled out a box of comfits, and handed them round as prizes.

'But she must have a prize herself, you know,' said the Mouse.

'Of course,' the Dodo replied very gravely. 'What else have you got in your pocket?' he turned to Alice.

'Only a thimble,' said Alice sadly.

'Give it to me,' said the Dodo.

The Dodo solemnly presented the thimble, 'Please accept this elegant thimble'; and they all cheered. Alice simply bowed, and took the thimble.

The next thing was to eat the comfits: this caused some noise. It was over at last and they sat down in a ring and begged the Mouse to tell them a tale.

'You promised to tell me your story, you know,' said

Alice to the Mouse, 'why do you hate cats and dogs,' she added in a whisper.

'It's a long and a sad tale!' said the Mouse. And it began:

'Fury[5] *said to a*
mouse, That he
met in the
house,
“Let us
both go to
law: I will
prosecute
YOU.-Come,
I'll take no
denial; We
must have a
trial: For
really this
morning I've
nothing
to do.”

---

[5] Примечания: 5
Fury — Злюка (собачья кличка)

Said the
mouse to the
cur[6]*, “Such*
a trial,
dear Sir,
With
no jury
or judge,
would be
wasting
our
breath.”
“I'll be
judge, I'll
be jury,”
Said
cunning
old Fury:
“I'll
try the

---

[6] Примечания: 6
cur — собака неопределённого происхождения, дворняга

whole
cause,
and
condemn
you
to
death.”'

'It is a long tail, certainly,' said Alice, she looked at the Mouse's tail; 'but why do you call it sad?'

“I shall not tell you,” said the Mouse. It got up and walked away.

“Please come back and tell us your tale,” called Alice; and all joined in, “Yes, please do!”

But the Mouse shook its head.

'You are not listening!' said the Mouse to Alice severely. 'What are you thinking of? You are always talking nonsense!' and was soon out of sight.

“Oh, where is my Dinah?” said Alice. “Dinah can bring her back.”

“And who is Dinah, if I may ask such a thing?” said one of the birds.

Alice was glad to talk about her pet.

“Dinah is our cat; and it catches mice very fast. Moreover, Dinah catches birds even faster! And it eats them at once!”

These words caused a great stir in the party. The birds rushed off; they were saying, “We must get home, it's late, it's time to sleep”.

Everybody went home, and Alice was soon alone. Poor Alice began to cry again, because she felt very lonely. Suddenly she heard some noise.

Chapter IV
The Rabbit Sends in a Little Bill

It was the White Rabbit, he was looking anxiously around and muttering to itself 'The Duchess! The Duchess! She'll get my head cut off! Oh my dear paws! Oh my fur and whiskers! Where did I lose them, I wonder?' Alice guessed in a moment that the Rabbit was looking for the fan and the pair of white gloves, but everything changed, and the great hall, with the glass table and the little door, vanished completely.

Very soon the Rabbit noticed Alice, and told her in an angry tone, 'Why, Mary Ann, what are you doing here? Run home, and bring me a pair of gloves and a fan! Quick, now!'

And Alice was so much afraid that she ran off at once.

'He took me for his housemaid,' she said to herself as she ran. 'But it's better to bring him his fan and gloves-that is, if I can find them.'

As she said this, she came to a neat little house, on the door of which was a bright brass plate with the name 'W. RABBIT' upon it. She went in, and hurried upstairs.

'How queer it is!' Alice said to herself. 'I am the Rabbit's servant. I think my next master will be Dinah herself!'

By this time she found her way into a tidy little room with a table by the window, and on it a fan and two or three pairs of tiny white gloves. She took up the fan and a pair of gloves, and noticed a little bottle that stood near the looking-glass. There was no label this time with the words 'DRINK ME,' but Alice opened it and put it to her lips.

'Let's see,' she said to herself, 'what this bottle does. I hope it'll make me large again!'

It did so indeed, and soon her head was near the

ceiling. She said, 'That's enough.'

Alas! it was too late! She was growing, and growing, and growing. In another minute there was not even room for her, and she put one arm out of the window, and one foot up the chimney. Luckily for Alice, the magic stopped, and she grew no more. But she felt unhappy.

'It was much better at home,' thought poor Alice, 'when I wasn't always growing larger and smaller, when mice and rabbits did not order me. Why did I crawl into that rabbit-hole?'

After a few minutes she heard a voice outside.

'Mary Ann! Mary Ann!' said the voice. 'Bring me my gloves!'

Alice knew it was the Rabbit, and she trembled. The Rabbit came up to the door, and tried to open it; but the door opened inwards, and Alice's elbow was pressed hard against it.

The Rabbit said to itself 'Then I'll go round and get in at the window.'

'You won't' thought Alice, and she suddenly spread out her hand. She heard a little shriek and a crash of broken glass. Next came an angry voice-the Rabbit's-'Pat! Pat! Where are you?'

And another voice, 'I'm here!'

'Now tell me, Pat, what's that in the window?'

'It's an arm, your honour!'

'An arm, you fool! So big! It fills the whole window!'

'Sure, it does, your honour: but it's an arm.'

'Well, go and take it away!'

There was a long silence after this, and Alice could only hear whispers; such as, 'I don't like it, your honour, at all, at all!'

'Do as I tell you, you coward! We must burn the house down!' said the Rabbit's voice; and Alice shouted as loud as she could, 'If you do this, I'll call Dinah!'

There was a dead silence instantly, and Alice thought to herself, 'What will they do next?'

After a minute or two, a shower of little pebbles came in at the window, and some of them hit her in the face. Alice noticed with some surprise that the pebbles were all turning into little cakes, and a bright idea came into her head.

'If I eat one of these cakes,' she thought, 'it'll make some change in my size; it can make me smaller, I suppose.'

So she swallowed one of the cakes, and she became smaller. Soon she was small enough to get through the door. She ran out of the house, and found a crowd of little animals and birds outside. Alice ran away. She

was running and running, and finally she saw a large mushroom near her, about the same height as herself. Her eyes immediately met a large caterpillar, that was sitting on the top, quietly smoking a hookah.

Chapter V
Advice from a Caterpillar

The Caterpillar and Alice looked at each other for some time in silence: at last the Caterpillar took the hookah out of its mouth, and addressed her in a sleepy voice.

'Who are you?' said the Caterpillar.

Alice replied, rather shyly, 'I–I hardly know, just at present-at least I know who I was when I got up this morning, but I think I changed several times.'

'What do you mean by that?' said the Caterpillar sternly. 'Explain!'

'I can't, I'm afraid,' said Alice very politely. 'I —...'

'You!' said the Caterpillar contemptuously. 'Who are YOU?'

It brought them back again to the beginning of the conversation.

Alice thought that the Caterpillar was in a very unpleasant state of mind, and she turned away.

'Come back!' the Caterpillar demanded. 'I want to tell you something important!'

Alice turned and came back again.

'Keep your temper,' said the Caterpillar.

'Is that all?' asked Alice.

'No,' said the Caterpillar.

Alice was waiting.

'So you think you changed, do you?' said the Caterpillar.

'I'm afraid I am,' said Alice; 'I can't remember some things.'

'What things can't you remember?' asked the Caterpillar.

'Some verses, for example,' Alice replied in a very melancholy voice.

'Repeat, “You Are Old, Father William,”' said the Caterpillar.

Alice folded her hands, and began to recite the poem:

'You are old, Father William,' the young man said,.

'That is wrong,' said the Caterpillar.

'Maybe, not quite right, I'm afraid,' said Alice, timidly.

'It is wrong from beginning to end,' said the Caterpillar decidedly, and there was silence for some minutes.

'What size do you want to be?' asked the Caterpillar.

'You know,.,' Alice began.

'I DON'T know,' said the Caterpillar.

Alice said nothing, she felt that she was losing her temper.

'Are you content now?' said the Caterpillar.

'Well, I want to be a little larger,' said Alice: 'three inches is such a wretched height to be.'

'It is a very good height indeed!' said the Caterpillar angrily (it was exactly three inches high); and it put the hookah into its mouth and began to smoke again.

This time Alice waited patiently until the Caterpillar spoke again. In a minute or two the Caterpillar took the hookah out of its mouth and yawned once or twice. Then it got down off the mushroom, and crawled away in the grass. And it remarked, 'One side will

make you grow taller, and the other side will make you grow shorter.'

'One side of what? The other side of what?' thought Alice to herself.

'Of the mushroom,' said the Caterpillar.

The mushroom was perfectly round, so Alice found this a very difficult question. However, at last she decided to eat a bit of the mushroom. The next moment her chin hit her foot!

She was frightened by this change; so she ate some of the other bit. Finally, she was near the right size. She went forward and saw a little house about four feet high. She ate a bit of the mushroom again and became nine inches high.

'This is the right size to enter the house,' said Alice.

Chapter VI
Pig and Pepper

For a minute or two she stood near the house. She was wondering what to do next, when suddenly a servant — a fish — came out of the wood and knocked loudly at the door. Another servant with a round face, and large eyes like a frog opened the door.

The Fish-Servant said, in a solemn tone, 'For the Duchess. An invitation from the Queen to play croquet.'

The Frog-Servant repeated, in the same solemn tone, 'From the Queen. An invitation for the Duchess to play croquet.'

Then the Fish-Servant ran away. Alice went timidly up to the door, and knocked.

'Why do you knock?' asked the Frog, 'I'm on the same side of the door as you are. And they're making such a noise inside, no one can possibly hear you.'

And certainly there was a most extraordinary noise within.

'Please, then,' said Alice, 'how to get in?'

'Are you sure you want to get in?' said the Frog. 'That's the first question, you know.'

'It's really dreadful,' Alice muttered to herself, 'they like to argue, these animals!'

The Frog said, 'I shall sit here, for days and days.'

'But what am I to do?' said Alice.

'Anything you like,' said the Servant, and began to whistle.

'Oh, he's idiotic!' said Alice desperately. And she opened the door and went in.

The door led right into a large kitchen, which was full of smoke from one end to the other. The Duchess was sitting on a three-legged stool in the middle, she was nursing a baby. The cook was leaning over the fire, there was a large cauldron full of soup.

'There's certainly too much pepper in that soup!' Alice said to herself, and began to sneeze.

Even the Duchess sneezed occasionally; and the baby was sneezing and howling all the time. Only the cook and a large cat did not sneeze. The cat was sitting on the hearth and grinning from ear to ear.

'Please can you tell me,' said Alice timidly, 'why does your cat grin?'

'It's a Cheshire cat[7],' said the Duchess, 'and that's why. Pig!'

She said the last word with such sudden violence that Alice jumped. But she saw in another moment that it was addressed to the baby, and not to her. So she took courage, and went on again:

'I didn't know that Cheshire cats always grinned; in fact, I didn't know that cats could grin.'

'They all can,' said the Duchess; 'and most of them do.'

'I don't know anything about it,' Alice said very politely.

'You don't know much,' said the Duchess; 'and that's a fact.'

Alice did not like the tone of this remark. Meanwhile

---

[7] Примечания: 7

Cheshire cat — Чеширский кот (обыгрывается выражение to grin like a Cheshire cat — улыбаться во весь рот (как чеширский кот... В графстве Чешир головкам сыра придавали форму головы улыбающегося кота)

the cook took the cauldron of soup off the fire, and began to throw everything at the Duchess and the baby-saucepans, plates, and dishes.

'Oh, please, don't do it!' cried Alice in terror. 'Oh, his precious nose!'

'Mind your own business,' the Duchess said in a hoarse growl. 'Oh, don't bother me! Here! You may nurse it a bit, if you like!' the Duchess said to Alice, and threw the baby at her. 'I must go and get ready to play croquet with the Queen,' and she hurried out of the room. The cook threw a frying-pan after her as she went out.

Alice caught the baby with some difficulty. She carried it out into the open air.

'If I don't take this child away with me,' thought Alice, 'they will kill it in a day or two: it is murder to leave it there.'

She said the last words out loud, and the baby grunted in reply.

'Don't grunt,' said Alice; 'that's impolite.'

The baby grunted again, and Alice looked very anxiously into its face. The baby sobbed (or grunted, it was impossible to say which), and they went on in silence.

'Now, what shall I do with the baby when I get it home?' said Alice when it grunted again. She looked

down into its face. No mistake about it: it was a pig, and it was quite absurd for her to carry it further.

So she set the little pig down, and it trotted away quietly into the wood.

'It is a dreadfully ugly child,' she said to herself, 'but it is a handsome pig, I think.'

And she began to remember the children she knew, who might be good pigs.

'But how to change them?'

Suddenly she saw the Cheshire Cat. The Cat was sitting on a bough of a tree. The Cat grinned when it saw Alice. It looked good-natured, she thought: but it had very long claws and many teeth.

'Cheshire Cat,' she began, rather timidly, and the Cat only grinned a little wider. 'Can you tell me, please, where to go?'

'That depends on where you want to go,' said the Cat.

'I don't care where,' said Alice.

'Then it doesn't matter which way you go,' said the Cat.

'I want to get somewhere,' Alice added as an explanation.

'Oh, you will do that,' said the Cat, 'if you only walk long enough.'

Alice tried another question.

'What people live here?'

'In this direction,' the Cat said, 'lives a Hatter: and in that direction, lives a March Hare. Visit them: they're both mad.'

'But I don't want to see mad people,' Alice remarked.

'Oh, we're all mad here,' said the Cat. 'I'm mad. You're mad.'

'How do you know I'm mad?' said Alice.

'You must be,' said the Cat, 'you are here.'

'And how do you know that you're mad?' she went on.

'A dog is not mad,' said the Cat, 'Do you believe that?'

'I suppose so,' said Alice.

'Well, then,' the Cat went on, 'you see, a dog growls when it's angry, and wags its tail when it's pleased. Now I growl when I'm pleased, and wag my tail when I'm angry. Therefore I'm mad. Do you play croquet with the Queen today?'

'With pleasure,' said Alice, 'but I do not have an invitation.'

'You'll see me there,' said the Cat, and vanished.

Alice was not much surprised at this. While she was looking at the place where the cat was, it suddenly appeared again.

'And what became of the baby?' said the Cat. 'I forgot to ask.'

'It turned into a pig,' Alice quietly said.

'Of course,' said the Cat, and vanished again.

Alice waited a little, but the Cat did not appear, and after a minute or two she walked on in the direction in which the March Hare lived.

'I saw hatters,' she said to herself; 'the March Hare is more interesting.'

As she said this, she looked up, and there was the Cat again. It was sitting on a branch of a tree.

'Did you say pig, or fig?' said the Cat.

'I said pig,' replied Alice; 'can you appear and vanish not so fast, please?'

'All right,' said the Cat; and this time it vanished quite slowly. It began with the end of the tail, and ended with the grin. Its grin remained some time.

'Well! I saw a cat without a grin,' thought Alice; 'but a grin without a cat! How curious!'

She went farther and she saw the house of the March Hare. The chimneys were like ears and the roof was thatched with fur. It was a large house, and she ate a bit of the mushroom, and raised herself to about two feet high.

Chapter VII
A Mad Tea-Party

There was a table under a tree in front of the house, and the March Hare and the Hatter were having tea: a Dormouse was sitting between them, fast asleep. The March Hare and the Hatter were using it as a cushion. They were resting their elbows on it, and talking over its head.

'Very uncomfortable for the Dormouse,' thought Alice; 'but it's asleep, so, I suppose it doesn't mind.'

The table was large, but they were sitting together at one corner of it: 'No room! No room!' they cried out when they saw Alice.

'There's plenty of room!' said Alice indignantly, and she sat down in a large arm-chair at one end of the table.

'Have some wine,' the March Hare said.

Alice looked all round the table, but there was nothing on it but tea.

'I don't see any wine,' she remarked.

'There isn't any,' said the March Hare.

'Why do you offer? It isn't very polite of you,' said Alice angrily.

'It isn't very polite of you to sit down here: nobody invited you,' said the March Hare.

'I didn't know it was your table,' said Alice; 'there are many cups on it.'

The Hatter opened his eyes very wide and said, 'Why is a raven like a writing-desk?'

'I believe I can guess that!' said Alice aloud.

'Do you mean that you think you can answer?' said the March Hare.

'Exactly so,' said Alice.

'Then you must say what you mean,' the March Hare went on.

'I do,' Alice hastily replied; 'at least-at least I mean

what I say-that's the same thing, you know.'

'Not the same thing at all!' said the Hatter. 'You can say “I see what I eat” is the same thing as “I eat what I see”!'

'You can say,' added the March Hare, 'that “I like what I get” is the same thing as “I get what I like”!'

'You can say,' added the Dormouse in its sleep, 'that “I breathe when I sleep” is the same thing as “I sleep when I breathe”!'

'It is the same thing to you,' said the Hatter, and here the conversation dropped, and they sat silent for a minute.

'What day of the month is it?' the Hatter asked. He took his watch out of his pocket. He was looking at it, shaking it and holding it to his ear.

Alice considered a little, and then said 'The fourth.'

'Two days wrong!' sighed the Hatter. 'Listen to me: you must not use the butter!' he looked angrily at the March Hare.

'It was the best butter,' the March Hare meekly replied.

'Yes, but there were some crumbs,' the Hatter grumbled: 'you used the bread-knife.'

The March Hare took the watch and looked at it gloomily: then he dipped it into his cup of tea, and looked at it again.

'It was the best butter, you know,' he said again.

Alice looked over his shoulder with some curiosity.

'What a funny watch!' she remarked. 'It tells the day of the month, and doesn't tell the time!'

'Why?' muttered the Hatter. 'Does your watch tell you what year it is?'

'Of course not,' Alice replied very readily: 'but that's because my year is very long.'

'But my year is also long,' said the Hatter.

'I don't quite understand you,' Alice said.

'The Dormouse is sleeping again,' said the Hatter, and he poured a little hot tea upon its nose.

The Dormouse shook its head, and said, 'Of course, of course; it's just what I was going to say.'

'What about the riddle?' asked the Hatter.

'I can't guess,' Alice replied: 'what's the answer?'

'No idea,' said the Hatter.

'Nor I,' said the March Hare.

'What's the time?' asked Alice.

'It's always six o'clock now,' the Hatter answered. 'It's always tea-time, and we have no time to wash the dishes.'

'Then you move round, I suppose?' said Alice.

'Exactly so,' said the Hatter.

'But what happens when you come to the beginning again?' Alice asked.

'Let's change the subject,' the March Hare interrupted. 'The young lady will tell us a story, right?'

'I'm afraid I don't know one,' said Alice.

'Then the Dormouse will tell us something,' cried the Hatter and the March Hare. 'Wake up, Dormouse!'

And they pinched it on both sides at once.

The Dormouse slowly opened his eyes.

'I wasn't asleep,' it said in a hoarse, feeble voice: 'I heard every word.'

'Tell us a story!' said the March Hare.

'Yes, please do!' pleaded Alice.

'And be quick,' added the Hatter.

'Once upon a time there were three little sisters,' the Dormouse began in a great hurry; 'and their names were Elsie, Lacie, and Tillie; and they lived at the bottom of a well...'

'What did they eat or drink?' asked Alice.

'They drank treacle,' said the Dormouse.

'They couldn't do that, you know,' Alice gently remarked; 'Were they ill?'

'Yes, they were,' said the Dormouse; 'very ill.'

Alice went on: 'But why did they live at the bottom of a well?'

'Take some more tea,' the March Hare said to Alice.

'I did not drink anything,' Alice replied, 'so I can't

take more.'

'You mean you can't take LESS,' said the Hatter: 'it's very easy to take MORE than nothing.'

'Nobody asked your opinion,' said Alice.

Alice took some tea and a bread-and-butter, and then turned to the Dormouse, and repeated her question. 'Why did they live at the bottom of a well?'

The Dormouse said, 'It was a treacle-well.'

'It's impossible!' Alice was very angry, but the Hatter and the March Hare went 'Sh! sh!' and the Dormouse sulkily remarked, 'If you can't be civil, finish the story for yourself.'

'No, please go on!' Alice said very humbly; 'I won't interrupt again.'

'And so these three little sisters-they were learning to draw[8], you know,' said the Dormouse.

'What did they draw?' said Alice. She forgot her promise.

'Treacle,' said the Dormouse.

'I want a clean cup,' interrupted the Hatter: 'let's all move.'

He moved on, and the Dormouse followed him: the March Hare moved into the Dormouse's place, and Alice took the place of the March Hare.

---

[8] Примечания: 8

to draw — игра слов: 1. рисовать; 2. черпать (воду)

Alice did not wish to offend the Dormouse again, so she began very cautiously:

'But I don't understand. Where did they draw the treacle from?'

'You can draw water out of a water-well,' said the Hatter; 'so I think you can draw treacle out of a treacle-well, eh, stupid?'

'But they were IN the well,' Alice said to the Dormouse.

'Of course they were', said the Dormouse; 'they were learning to draw, and they drew everything that begins with an M.'

'Why with an M?' said Alice.

'Why not?' said the March Hare.

Alice was silent.

The Dormouse had closed its eyes by this time. The Hatter pinched it, it woke up again with a little shriek, and went on: 'that begins with an M, such as mouse-traps, and the moon, and memory, and muchness-did you see muchness?'

'Muchness?' said Alice, very much confused, 'I don't think...'

'Then don't talk,' said the Hatter.

Alice got up and walked off; the Dormouse fell asleep instantly, and nobody called after the girl. They were trying to put the Dormouse into the teapot.

'I'll never go there again!' said Alice. 'It's the stupidest tea-party in the world!'

Just as she said this, she noticed that one of the trees had a door.

'That's very curious!' she thought. 'But everything's curious today. I think I may go in.'

And in she went.

Once more she found herself in the long hall, and close to the little glass table. She took the little golden key, and unlocked the door that led into the garden. She walked down the little passage, and then she found herself in the beautiful garden, among the bright flowers and the cool fountains.

Chapter VIII
The Queen's Croquet-Ground

A large rose-tree stood near the entrance of the garden: the roses growing on it were white, but there were three gardeners at it. They were painting them red. Alice thought this a very curious thing, and she went nearer to watch them, and when she came up to them she heard the voice, 'Look out now, Five! Don't splash the paint over me!'

'That's not my fault,' said Five, in a sulky tone;

'Seven jogged my elbow.'

Seven looked up and said, 'That's not right, Five!'

'Do not talk!' said Five. 'Queen said yesterday you deserved to be beheaded!'

'What for?'

'That's none of your business, Two!' said Seven.

'Yes, it is his business!' said Five, 'and I'll tell him-he brought the cook tulip-roots instead of onions.'

Seven noticed Alice. The others looked round also, and all of them bowed low.

'Can you tell me,' said Alice, a little timidly, 'why you are painting those roses?'

Five and Seven said nothing, but looked at Two. Two began in a low voice, 'The fact is, you see, Miss, the Queen ordered to plant a red rose-tree, and we planted a white tree by mistake. If the Queen sees it, our heads will be cut off, you know. So you see, Miss,.'

At this moment Five called out 'The Queen! The Queen!' There was a sound of many footsteps, and Alice looked round, she wanted to see the Queen.

First came ten soldiers with clubs[9]; these were all like the three gardeners, oblong and flat, with their hands and feet at the corners. Next came the

---

[9] Примечания: 9

карточные масти: clubs — трефы, diamonds — бубны, hearts — червы, spades — пики

ten courtiers with diamonds. After these came the royal children; there were ten of them. Next came the guests, Kings and Queens, and among them Alice recognised the White Rabbit. Then followed the Knave of Hearts, he was carrying the King's crown on a crimson velvet cushion; and, last of all this grand procession, came The King and Queen Of Hearts.

Alice stood where she was and waited.

When the procession came opposite to Alice, they all stopped and looked at her, and the Queen said severely 'Who is this?' She said it to the Knave of Hearts, who only bowed and smiled in reply.

'Idiot!' said the Queen; and she turned to Alice, 'What's your name, child?'

'My name is Alice, your Majesty,' said Alice very politely; but she added, to herself, 'They're only a pack of cards. No need to be afraid of them!'

'And who are these?' the Queen pointed to the three gardeners.

'How could I know?' said Alice. 'It's not my business.'

The Queen turned crimson with fury, and screamed 'Off with her head! Off!'

'Nonsense!' said Alice, very loudly and decidedly, and the Queen was silent.

The King laid his hand upon her arm, and timidly

said 'My dear: she is only a child!'

The Queen turned angrily. Then she turned to the rose-tree, and asked, 'What were you doing here?'

'Your Majesty,' said Two, in a very humble tone, 'we were trying…'

'I see!' said the Queen, who was looking at the roses. 'Off with their heads!'

And the procession moved on, three of the soldiers went to the unfortunate gardeners, who ran to Alice for protection.

'I shall save you!' said Alice, and she put them into a large flower-pot that stood near. Three soldiers wandered about for a minute or two, and then quietly marched away.

'What about their heads?' shouted the Queen.

'Their heads are gone, your Majesty!' the soldiers shouted in reply.

'That's right!' shouted the Queen. 'Can you play croquet?'

The soldiers were silent, and looked at Alice.

'Yes!' shouted Alice.

'Come on, then!' roared the Queen, and Alice joined the procession.

'It's — It's a very fine day!' said a timid voice. It was the White Rabbit, who was peeping anxiously into her face.

'Very,' said Alice, 'where's the Duchess?'

'Hush! Hush!' said the Rabbit in a low, hurried tone. He put his mouth close to her ear and whispered 'She's under sentence of execution.'

'What for?' said Alice.

'Did you say “What a pity!”?' the Rabbit asked.

'No, I didn't,' said Alice: 'I don't think it's a pity. I said “What for?”'

'She boxed the Queen's ears,' the Rabbit began. Alice laughed.

'Oh, hush!' the Rabbit whispered in a frightened tone. 'The Queen will hear you! You see, she came late, and the Queen said...'

'Get to your places!' shouted the Queen in a voice of thunder. It was a very curious croquet-ground! It was all ridges and furrows; the balls were hedgehogs, the mallets were flamingoes, and the soldiers were the arches.

The players all played at once, nobody was waiting for his turn. They were quarrelling all the while, and fighting for the hedgehogs. The Queen was furious and shouting 'Off with his head!' or 'Off with her head!' once in a minute.

Alice noticed a curious appearance in the air. It was a grin, and Alice said to herself 'It's the Cheshire Cat: now I have somebody to talk to.'

'How are you getting on?' said the Cat, when its mouth appeared.

'I don't think they play croquet,' Alice began, 'and they all quarrel so dreadfully!'

'How do you like the Queen?' said the Cat in a low voice.

'Not at all,' said Alice: 'she's a...'

Just then she noticed that the Queen was near. The Queen was listening. So Alice went on, '... a very good player, I think I can't win.'

The Queen smiled.

'Who are you talking to?' said the King. He was looking at the Cat's head with great curiosity.

'It's my friend-a Cheshire Cat,' said Alice, 'let me introduce it.'

'I don't like it at all,' said the King, 'however, it may kiss my hand if it likes.'

'I do not want it,' the Cat remarked.

'Don't be impertinent,' said the King, 'and don't look at me like that!'

'A cat may look at a king,' said Alice. 'I read that in some book, but I don't remember where.'

'Well, I want to remove it,' said the King very decidedly, and he called the Queen, 'My dear! Please remove this cat!'

The Queen had only one answer.

'Off with his head!' she said.

'Very well,' said the King eagerly.

Alice watched the game. Three of the players were executed, and she did not like it at all. When she looked at the Cheshire Cat, she was very surprised. A large crowd collected round it. There was a dispute between the executioner, the King, and the Queen.

The executioner said that it impossible to cut off a cat's head, because it did not have a body. The King said that every head can be cut off. The Queen said that the best decision was to cut off all their heads.

Alice said, 'The Cat belongs to the Duchess: let us ask her about it.'

'She's in prison,' the Queen said to the executioner: 'fetch her here.'

And the executioner went away like an arrow.

The Cat's head began to fade away. Soon it entirely disappeared. So everybody went back to the game.

Chapter IX
The Mock Turtle's Story

'You can't think how glad I am to see you again, my dear!' said the Duchess to Alice, and they walked together.

Alice was very glad to find her in such a pleasant temper, and thought to herself that perhaps it was only the pepper that made her so angry.

'When I am a Duchess,' she said to herself, 'I won't have any pepper in my kitchen at all. Maybe it's always

pepper that makes people hot-tempered,' she went on, 'and vinegar that makes them sour-and camomile that makes them bitter-and-and barley-sugar that makes children sweet-tempered...'

'You're thinking about something, my dear, — said the Duchess, — and you forget to talk. I can't tell you now what the moral of that is.'

'Perhaps there is no moral at all,' Alice remarked.

'What?' said the Duchess. 'Everything has got a moral, if only you can find it.'

And she went closer to Alice's side as she spoke.

Alice did not like it very much, because the Duchess was very ugly; and because she had a very sharp chin. However, Alice did not like to be rude.

'The game's going on,' she said to keep up the conversation a little.

'Exactly,' said the Duchess: 'and the moral of that is “Oh, it's love, it's love, that makes the world go round!”'

'Somebody says,' Alice whispered, 'that it's necessary to mind his own business!'

'Ah, well! It means the same thing,' said the Duchess, 'and the moral of that is “Take care of the sense!”'

'Oh, she likes to find morals in everything!' Alice thought to herself.

'I'm not sure about the temper of your flamingo.

Does it bite?'

'It may bite,' Alice cautiously replied.

'Very true,' said the Duchess: 'flamingoes and mustard both bite. And the moral of that is “Birds of a feather flock together.”'

'Only mustard isn't a bird,' Alice remarked.

'Right, as usual,' said the Duchess: 'what a clear mind!'

'It's a mineral, I think,' said Alice.

'Of course it is,' said the Duchess, who was ready to agree to everything that Alice said.

'Oh, I know!' exclaimed Alice, 'it's a vegetable. It doesn't look like one, but it is.'

'I quite agree with you,' said the Duchess; 'and the moral of that is “Never imagine yourself not to be otherwise than you are otherwise.”'

'I think I must understand that better,' Alice said very politely, 'if I write that down.'

'Thinking again?' the Duchess asked, with the dig of her sharp little chin.

'I've a right to think,' said Alice sharply.

'You know, my dear,' said the Duchess, 'the moral of this is…'

But here, to Alice's great surprise, the Duchess's arm began to tremble. Alice looked up, and there stood the Queen in front of them.

'A fine day, your Majesty!' the Duchess began in a low, weak voice.

'Now, I warn you,' shouted the Queen; 'either you or your head must be off! Take your choice!'

The Duchess took her choice, and went away in a moment.

'Let's continue our game,' the Queen said to Alice; and Alice followed to the croquet-ground.

The other guests were resting in the shade: however, the moment they saw her, they hurried back to the game. The Queen merely remarked: 'A moment's delay costs you your lives.'

All the time they were playing the Queen was quarrelling with the other players, and shouting 'Off with his head!' or 'Off with her head!' All the players, except the King, the Queen, and Alice, were in custody and under sentence of execution.

Then the Queen stopped the game, and said to Alice, 'Did you see the Mock Turtle?'

'No,' said Alice. 'I don't even know what a Mock Turtle is. I never saw one, or heard of one.'

'Come on, then,' said the Queen, 'and it shall tell you its history.'

As they walked off together, the King said in a low voice, to the guests, 'You are all pardoned.'

'Oh, that's a good thing!' Alice said to herself.

Very soon they met a Gryphon, it was sleeping in the sun.

'Get up, you idler!' said the Queen, 'and take this young lady to the Mock Turtle. I must go back'; and she walked off.

The Queen left Alice alone with the Gryphon. Alice did not like the look of the creature, but it seemed as safe to stay with it as to go after that savage Queen; so she waited.

The Gryphon sat up and rubbed its eyes, then it chuckled.

'What fun!' said the Gryphon, half to itself, half to Alice.

'What is the fun?' said Alice.

'She,' said the Gryphon. 'It's a fake, you know, they never execute anybody. Come on!'

'Everybody says “come on!” here,' thought Alice, as she went slowly after the Gryphon.

Soon they saw the Mock Turtle. It was sitting sad and lonely on a little ledge of rock, and sighing.

'What is his sorrow?' Alice asked the Gryphon, and the Gryphon answered, 'It's a fake, you know, it has no sorrow. Come on!'

So they went up to the Mock Turtle. It looked at them with large eyes full of tears, but said nothing.

'This is a young lady,' said the Gryphon, 'she wants

to know your history.'

'I'll tell it her,' said the Mock Turtle in a deep, hollow tone: 'sit down, both of you, and don't speak a word. I'll tell a story.'

So they sat down, and nobody spoke for some minutes. Alice waited patiently.

'Once,' said the Mock Turtle at last, with a deep sigh, 'I was a real Turtle.'

Next was a very long silence. The Mock Turtle was only sobbing. Alice was going to get up and say, 'Thank you for your interesting story,' but she sat still and said nothing.

'When we were little,' the Mock Turtle went on at last, more calmly, 'we went to school in the sea. The master was an old Turtle-we called him Tortoise...'

'Why did you call him Tortoise, if he wasn't one?' Alice asked.

'We called him Tortoise because he taught us,' said the Mock Turtle angrily, 'and really you are very silly!'

'Yes, don't ask such simple questions,' added the Gryphon; and then they both sat silent and looked at poor Alice. At last the Gryphon said to the Mock Turtle, 'Go on, old fellow!'

And the Mock Turtle went on in these words:

'Yes, we went to school in the sea, though you don't

believe it…'

'Why? I didn't say that!' interrupted Alice.

'You did,' said the Mock Turtle.

'Hold your tongue!' added the Gryphon.

The Mock Turtle went on.

'We had the best educations-in fact, we went to school every day…'

'So what?' asked Alice; 'I go to school everyday, too. Why are you so proud?'

'With extras?' asked the Mock Turtle a little anxiously.

'Yes,' said Alice, 'we learned French and music.'

'And washing?' said the Mock Turtle.

'Certainly not!' said Alice indignantly.

'Ah! then your school isn't a really good school,' said the Mock Turtle in a tone of great relief. We had washing — extra.'

'What for?' asked Alice; 'You were living at the bottom of the sea.'

'Yes, I was,' said the Mock Turtle with a sigh. 'I only took the regular course.'

'What was that?' inquired Alice.

'Reeling and Writhing[10]. Different branches of Arithmetic,' the Mock Turtle replied; 'Ambition,

---

[10] Примечания: 10

Reeling and Writhing — Верчение и Корчение (названия предметов построены на ассоциации с Reading and Writing — чтение и письмо)

Distraction, Uglification, and Derision[11].'

'I never heard of “Uglification,”' Alice said. 'What is it?'

The Gryphon was surprised.

'What! Never heard of that!' it exclaimed. 'You know what to beautify is, I suppose?'

'Yes,' said Alice doubtfully: 'it means “to make something prettier.”'

'Well, then,' the Gryphon went on, 'if you don't know what to uglify[12] is, you are just foolish.'

Alice turned to the Mock Turtle, and said 'What else did you learn?'

'Well, there was Mystery,' the Mock Turtle replied, 'Mystery, ancient and modern, with Seaography[13]: then Drawling, Stretching[14], and Fainting in Coils[15].'

---

[11] Примечания: 11

Названия четырёх арифметических действий построены на ассоциациях: Ambition (Addition, сложение), Distraction (Substraction, вычитание), Uglification (Multiplication, умножение), Derision (Division, деление).

[12] Примечания: 12

to uglify — «безобразить», антоним, образованный по аналогии с to beautify — «украшать»

[13] Примечания: 13

Mystery, Seaography — названия предметов построены на ассоциациях с History («история») и Geography («география»)

[14] Примечания: 14

Drawling, Stretching, and Fainting in Coils — названия предметов построены на ассоциациях с Drawing («рисование»), Sketching («рисунок»), Painting in Oils («живопись маслом»)

[15] Примечания: 15

Fainting in Coils — буквально: Падание в обморок, сворачиваясь кольцами

'What was that like?' said Alice.

'Well, I can't show it you myself,' the Mock Turtle said: 'I'm too old for that. And the Gryphon never learnt it.'

'I had no time,' said the Gryphon: 'I went to the Classics master, though. He was an old crab[16], he was.'

'I never went to him,' the Mock Turtle said with a sigh, 'he taught Laughing and Grief.'

'So he did, so he did,' said the Gryphon; and both creatures hid their faces in their paws.

'And how many hours a day did you do lessons?' said Alice.

'Ten hours the first day,' said the Mock Turtle: 'nine the next, and so on.'

'What a curious plan!' exclaimed Alice.

'That's the reason they're called lessons,' the Gryphon remarked, 'because they lessen from day to day.'

This was quite a new idea to Alice, and she made her next remark.

'Then the eleventh day was a holiday?'

'Of course it was,' said the Mock Turtle.

'And what about the twelfth day?' Alice asked

---

[16] Примечания: 16
игра слов: old crab — 1. старый краб; 2. старый ворчун

eagerly.

'Enough about lessons,' the Gryphon interrupted in a very decided tone: 'tell her something about the games now.'

Chapter X
The Lobster Quadrille

The Mock Turtle sighed deeply, and looked at Alice, and tried to speak. Gryphon began to shake it and punch it in the back. At last the Mock Turtle, with tears that were running down his cheeks, went on again:

'You did not live much under the sea…'

('I did not,' said Alice)

'and perhaps you did not see a lobster…'

(Alice began to say 'I once tasted…' but hastily said

'No, never')

'so you probably do not know what a nice dance a Lobster Quadrille is!'

'No, indeed,' said Alice. 'What sort of a dance is it?'

'Why,' said the Gryphon, 'you first form into a line along the sea-shore…'

'Two lines!' cried the Mock Turtle. 'Seals, turtles, salmon, and so on; then you advance twice…'

'Each with a lobster as a partner!' cried the Gryphon.

'Of course,' the Mock Turtle said: 'advance twice, set to partners…'

'…change lobsters, and retire in same order,' continued the Gryphon.

'Then, you know,' the Mock Turtle went on, 'you throw the…'

'The lobsters!' shouted the Gryphon.

'…as far to sea as you can-'

'Swim after them!' screamed the Gryphon.

'Turn a somersault in the sea!' cried the Mock Turtle.

'Change lobsters again!' yelled the Gryphon at the top of its voice.

'Back to land again, and that's all the first figure,' said the Mock Turtle, suddenly became silent; and the two friends sat down again very sadly and quietly,

and looked at Alice.

'It must be a very pretty dance,' said Alice timidly.

'Do you want to see it?' said the Mock Turtle.

'Very much indeed,' said Alice.

'Come, let's try the first figure!' said the Mock Turtle to the Gryphon. 'We can do without lobsters, you know. Who will sing?'

'Oh, you will sing,' said the Gryphon. 'I forgot the words.'

So they began to dance round and round Alice, while the Mock Turtle sang a song about a whiting and a snail very slowly and sadly.

'Thank you, it's a very interesting dance to watch,' said Alice.

'Oh, you saw the whiting,' said the Mock Turtle, 'of course?'

'Yes,' said Alice, 'at dinn...' she stopped hastily.

'I don't know where Dinn may be,' said the Mock Turtle, 'but if you see them so often, of course you know what they're like.'

'I can tell you more than that, if you like,' said the Gryphon. 'Do you know why it's called a whiting?'

'No,' said Alice. 'Why?'

'It does the boots and shoes,' the Gryphon replied very solemnly.

Alice was puzzled.

'Does the boots and shoes?' she repeated.

'Yes. Why are your shoes so shiny?' asked the Gryphon.

Alice looked down at her shoes.

'Boots and shoes under the sea,' the Gryphon went on in a deep voice, 'are white. Now you know.'

'So,' the Mock Turtle said, 'Let's hear about your adventures.'

Alice began to tell them her adventures from the time when she first saw the White Rabbit. She was a little nervous about it at first, the two creatures came close to her, one on each side, and opened their eyes and mouths very wide.

The Mock Turtle drew a long breath, and said 'That's very curious.'

'Maybe another figure of the Lobster Quadrille?' the Gryphon offered. 'Or would you like the Mock Turtle to sing you a song?'

'Oh, a song, please!' Alice replied eagerly.

'Hm! Sing her “Turtle Soup,” will you, old fellow?' said the Gryphon.

The Mock Turtle sighed deeply, and began, with sobs, to sing this:

'Beautiful Soup, so rich and green,
Waiting in a hot tureen!

Who for such dainties would not stoop?
Soup of the evening, beautiful Soup!
Soup of the evening, beautiful Soup!
Beau-ootiful Soo-oop!
Beau-ootiful Soo-oop!
Soo-oop of the e-e-evening,
Beautiful, beautiful Soup!
Beau-ootiful Soo-oop!
Beau-ootiful Soo-oop!
Soo-oop of the e-e-evening,
Beautiful, beautiful Soup!'

'Chorus again!' cried the Gryphon, and the Mock Turtle began to repeat it, when they heard a cry: 'The trial's beginning!'

'Come on!' cried the Gryphon, and he took Alice by the hand, and hurried off.

'What trial is it?' Alice asked; but the Gryphon only answered 'Come on!' and ran faster and faster.

Chapter XI
Who Stole the Tarts?

The King and Queen of Hearts were sitting on their throne when they arrived, with a great crowd assembled around them-many different birds and beasts, and the whole pack of cards. The Knave was standing before them, in chains, with a soldier on each side to guard him. Near the King was the White Rabbit, with a trumpet in one hand, and a scroll of parchment in the other. In the very middle of the

court was a table, with a large dish of tarts upon it. They looked so good, that it made Alice quite hungry.

Alice was in a court for the first time. But she read about courts in books 'That's the judge,' she said to herself, 'because of his great wig.'

The judge was the King; and as he wore his crown over the wig, he did not look comfortable.

'And that's the jury-box,' thought Alice, 'and those twelve creatures,' (she said 'creatures,' you see, because some of them were animals, and some were birds,) 'I suppose they are the jurors.' She said this last word two or three times over to herself. She was very proud of it: very few little girls of her age knew the meaning of it at all.

The twelve jurors were all writing very busily on slates.

'What are they doing?' Alice whispered to the Gryphon.

'They're putting down their names,' the Gryphon whispered in reply, 'they do not want to forget them before the end of the trial.'

'Fools!' Alice began in a loud, indignant voice, but she stopped hastily, because the White Rabbit cried out, 'Silence in the court!'

The King put on his spectacles and looked anxiously round.

One of the jurors had a pencil that squeaked. Alice went round the court and got behind him, and very soon found an opportunity to take it away. She did it so quickly that the poor little juror (it was Bill, the Lizard) did not understand anything.

So he began to write with his finger; but this was useless.

'Read the accusation!' said the King.

The White Rabbit blew three blasts on the trumpet, and then unrolled the parchment scroll, and began to read:

'The Queen of Hearts, she made some tarts,
All on a summer day:
The Knave of Hearts, he stole those tarts,
And took them quite away!'

'Consider your verdict,' the King said to the jury.

'No, no!' the Rabbit hastily interrupted. 'Let's...'

'Call the first witness,' said the King; and the White Rabbit blew three blasts on the trumpet, and called out, 'First witness!'

The first witness was the Hatter. He came in with a teacup in one hand and a piece of bread-and-butter in the other.

'I beg pardon, your Majesty,' he began, 'but I was drinking my tea when they called me.'

'So what?' said the King. 'When did you begin?'

The Hatter looked at the March Hare, who entered, arm-in-arm with the Dormouse. 'Fourteenth of March, I think it was,' he said.

'Fifteenth,' said the March Hare.

'Sixteenth,' added the Dormouse.

'Write that down,' the King said to the jury, and the jury eagerly wrote down all three dates, and then added them up, and reduced the answer to shillings and pence.

'Take off your hat!' the King said to the Hatter.

'It isn't mine,' said the Hatter.

'You stole it!' the King exclaimed.

'I keep them to sell,' the Hatter added as an explanation; 'I do not have my own hats. I'm a hatter.'

Here the Queen put on her spectacles, and began to look at the Hatter. The Hatter turned pale.

The Hatter looked uneasily at the Queen, and in his confusion he bit a large piece out of his teacup instead of the bread-and-butter.

Just at this moment Alice felt a very curious sensation: she was beginning to grow larger again. She wanted to get up and leave the court; but then she decided to remain where she was.

'What are you doing?' asked the Dormouse, who

was sitting next to her. 'I can't breathe.'

'Sorry,' said Alice very meekly: 'I'm growing.'

'You've no right to grow here,' said the Dormouse.

'Don't talk nonsense,' said Alice more boldly: 'you know you're growing too.'

'Yes, but not so fast,' said the Dormouse. And it got up very sulkily and crossed over to the other side of the court.

'Bring me the list of the singers in the last concert!' the Queen ordered.

'Tell what you know of this case,' the King said, 'or I'll have your head off.'

'I'm a poor man, your Majesty,' the Hatter began, in a trembling voice, 'and I did not finish my tea-and I took my bread-and-butter-and the tea...'

'What?' said the King.

'It began with the tea,' the Hatter replied.

'Of course with a T!' said the King sharply. 'Do you take me for a fool? Go on!'

'I'm a poor man,' the Hatter went on, 'and as the March Hare said...'

'I didn't!' the March Hare interrupted in a great hurry.

'You did!' said the Hatter.

'I deny it!' said the March Hare.

'He denies it,' said the King.

'Well, the Dormouse said...' the Hatter went on slowly, but the Dormouse denied nothing. It was asleep.

'After that,' continued the Hatter, 'I cut some more bread...'

'But what did the Dormouse say?' one of the jury asked.

'That I can't remember,' said the Hatter.

'You must remember,' remarked the King, 'or I'll have you executed.'

The miserable Hatter dropped his teacup and bread-and-butter, and went down on one knee.

'I'm a poor man, your Majesty,' he began.

'You're a very poor speaker,' said the King. 'If that's all you know about it, you may sit down.'

'I want to finish my tea,' said the Hatter, and looked at the Queen, who was reading the list of singers.

'You may go,' said the King, and the Hatter hurriedly left the court.

'...and just take his head off outside,' the Queen added to one of the officers: but the Hatter was far away.

'Call the next witness!' said the King.

The next witness was the Duchess's cook. She carried the pepper-box in her hand. The people near the door began to sneeze at once.

“Tell what you know of this case,” said the King.

'I shan't,' said the cook.

The King looked at the White Rabbit, who said in a low voice, 'Your Majesty must make her tell.'

“Well, if I must, I must,” said the King with a sad look. He folded his arms and frowned at the cook, then asked in a stern voice, 'What are tarts made of?'

'Pepper, mostly,' said the cook.

'Treacle,' said a sleepy voice behind her.

'Catch that Dormouse,' the Queen shrieked out. 'Off with its head! Turn him out of court! Pinch him! Off with his head!'

For some minutes the whole court was in confusion, they ran here and there, they were trying to catch the Dormouse. The cook disappeared.

'That's all right,' said the King. 'Call the next witness.'

Alice watched the White Rabbit. Imagine her surprise, when the White Rabbit called her name: 'Alice!'

Chapter XII
Alice's Evidence

'Here!' cried Alice, but she forgot how large she

was, and jumped up. The edge of her skirt tipped the jury box and turned them all out on the heads of the crowd below.

'Oh, I beg your pardon!' she exclaimed in a tone of great dismay, and began to pick them up again.

'The trial cannot proceed,' said the King in a very grave voice, 'until all the jurymen are back in their proper places-all,' he repeated with great force and looked hard at Alice...

Alice looked at the jury-box, and saw that, in her haste, she put the Lizard in head downwards, and the poor little Lizard was waving its tail in the air, but could not move. She soon got it out again, and put it right; 'there's no big difference,' she said to herself.

'What do you know about this business?' the King said to Alice.

'Nothing,' said Alice.

'Nothing at all?' persisted the King.

'Nothing at all,' said Alice.

'That's very important,' the King said, and turned to the jury. They were just beginning to write this down, when the White Rabbit interrupted: 'UNimportant, your Majesty means, of course,' he said in a very respectful tone.

'UNimportant, of course, I meant,' the King hastily said, and went on, 'important-unimportant-

unimportant-important'.

He was trying which word sounded best.

Some of the jury wrote it down 'important,' and some 'unimportant.' Alice could see this, she was near enough.

At this moment the King cried out 'Silence!' and read out from his book, 'Rule Forty-two. All persons more than a mile high to leave the court.'

Everybody looked at Alice.

'I'm not a mile high,' said Alice.

'You are,' said the King.

'Nearly two miles high,' added the Queen.

'Well, I shan't go,' said Alice: 'besides, that's not a regular rule: you invented it just now.'

'It's the oldest rule in the book,' said the King.

'Why is it not Number One?' said Alice.

The King turned pale, and shut his note-book hastily.

'Consider your verdict,' he said to the jury. His voice was low and trembling.

'There's something more, please your Majesty,' said the White Rabbit. He was jumping up; 'this letter!'

'What's in it?' said the Queen.

'I did not open it,' said the White Rabbit, 'but I think this is the letter which the Knave of Hearts wrote to-to somebody.'

'Exactly,' said the King, 'unless it was written to nobody, which isn't usual, you know.'

“Whose name is on it?” said one of the jurymen.

'There's no name on it,' said the White Rabbit, as he looked at the letter; 'in fact, it's a rhyme.'

'Is the handwriting the prisoner's?' asked another of the jurymen.

'No, it's not,' said the White Rabbit, 'and that's the queerest thing.'

'He imitated somebody else's handwriting,' said the King.

'Please your Majesty,' said the Knave, 'I didn't write it, and they can't prove I did. There's no name at the end.'

'If you didn't sign it,' said the King, 'that only makes your case worse. Honest men always sign their letters.'

'That proves his guilt,' said the Queen.

'It proves nothing!' said Alice. 'Why, you don't even know what the rhyme is about!'

'Read it,' said the King.

The White Rabbit put on his spectacles.

'Where shall I begin, please your Majesty?' he asked.

'Begin at the beginning,' the King said gravely, 'and go on till you come to the end: then stop.'

The White Rabbit read:

'They told me you said to her,
And spoke of me to him:
She gave me a good name, indeed,
But said I could not swim.
He sent them word I went away
(We know that it's true):
If she pushes the matter on
What will become of you?
I gave her one, they gave him two,
You gave us three, or more;
They all came back from him to you,
Though they were mine before.
My notion was, she liked him best,
(Before she had this thing)
I'll hide it from all the rest
But him and you and it.'

'That's the most important thing,' said the King. He was rubbing his hands; 'so now let the jury...'

'If anyone of you can explain it,' said Alice, (she grew very large and she wasn't afraid of the King,) 'I'll give him sixpence. I don't think there's a grain of

sense in it.'

The jury all wrote down, 'She doesn't think there's a grain of sense in it,' but nobody tried to tell what it meant.

'It's even better,' said the King. 'If there's no sense in it we will have no trouble, you know.'

He put the verses on his knee, and looked at them with one eye.

'I found some sense in them, after all. “”said I could not swim”! — You can't swim, can you?' he asked the Knave.

The Knave shook his head sadly.

'Do I look like it?' he said.

(Which he certainly did not, because he was made of paper.)

'All right, so far,' said the King, and he went on. '“I gave her one, they gave him two”, that's what he did with the tarts!'

'But it goes on, 'they all came back from him to you,'' said Alice.

'Exactly! Why, isn't he guilty after all?' said the King triumphantly. He pointed to the tarts on the table. 'Nothing can be clearer than that. Let the jury consider their verdict!'

'No, no!' said the Queen. 'Sentence first-verdict afterwards.'

'Nonsense!' said Alice loudly.

'Hold your tongue!' said the Queen.

'I won't!' said Alice.

'Off with her head!' the Queen shouted at the top of her voice. Nobody moved.

'Who cares for you?' said Alice, (she grew to her full size.) 'You're nothing but a pack of cards!'

At this the whole pack rose up in the air and flew down upon her; she screamed and tried to beat them off-and found herself on the bank, with her head in the lap of her sister.

'Wake up, Alice dear!' said her sister; 'What a long sleep!'

'Oh, I had a very strange dream!' said Alice, and she told her sister all her strange adventures. When she finished, her sister kissed her, and said, 'It was a strange dream, dear, certainly: but now run home to drink tea; it's late.'

So Alice got up and ran away.

Льюис Кэрролл
Алиса в Стране чудес

Глава I
Вниз по кроличьей норе

Алиса скучала. Она сидела с сестрой на берегу реки и ничего не делала. Раз или два она посмотрела на книгу, которую её сестра держала в руках, но там не было никаких картинок.

— Что толку в книжке, — подумала Алиса, — без картинок или разговоров?

Она решила встать и собрать цветов, когда вдруг поблизости пробежал Белый Кролик с розовыми глазами. В этом не было ничего примечательного, но Кролик сказал:

— О боже! О боже! Я опаздываю!

Потом Кролик вынул из кармана часы и посмотрел на них. Алиса встала. Как странно! У кролика есть карманы и часы! Она побежала за ним через поле. Кролик прыгнул в большую кроличью нору под изгородью.

Алиса отправилась за ним. Кроличья нора походила на туннель. Алиса начала падать в глубокий колодец. Колодец был очень глубоким, и она падала очень медленно. Вниз, вниз, вниз. Где же конец?

Падала она долго, и во время падения у неё было время рассмотреть странные вещи вокруг. Сначала она попыталась смотреть вниз, но было слишком темно, и она ничего не увидела. Тогда она посмотрела по сторонам колодца и увидела много книжных полок; тут и там она увидела различные карты. Пролетая мимо, она взяла с одной из полок банку. На ней была этикетка «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ», но внутри никакого варенья не было, и Алиса поставила банку на одну из полок.

— Уверена, что направляюсь к центру земли, — сказал Алиса вслух. — Думаю, это четыре тысячи миль вниз. Но, может быть, я пролечу всю землю насквозь! Как забавно! Люди там ходят вниз головой! Знаете, я спрошу их, как называется их страна. «Скажите, пожалуйста, мадам, это Новая Зеландия или Австралия?»

Вниз, вниз, вниз. Делать нечего. Вскоре Алиса заговорила снова.

— Думаю, что Дина сегодня вечером будет по мне очень скучать! (Дина — это кошка.) Надеюсь, ей дадут молока. Дина, моя дорогая! Где ты? Почему ты не здесь со мной? Боюсь, что в воздухе нет обычных мышей, но ты можешь поймать летучую мышь. Но едят ли кошки летучих мышей?

Едят ли кошки летучих мышей? Едят ли кошки летучих мышей? Дина, скажи мне правду: ты ешь летучих мышей?

Вдруг — хрясь! хрясь! — она свалилась на кучу веток и сухих листьев. Алиса очень быстро вскочила на ноги: посмотрела наверх, но там было темно. Перед нею был ещё один длинный коридор, и Белый Кролик пошёл по нему. Алиса помчалась, как ветер. Кролик говорил:

— О, мои ушки и бакенбарды, опаздываю, опаздываю!

И он исчез.

Алиса стояла в длинном, низком зале, с потолка свисал ряд ламп. По сторонам было много дверей, но все они были заперты. Она ходила взад-вперёд и пыталась придумать, как отсюда выйти. Внезапно она увидела маленький стеклянный столик; на нём лежал крошечный золотой ключик. Алиса подумала, что это ключ к одной из дверей зала, но когда она примерила ключ к каждому замку, то обнаружила, что замки слишком большие или ключ слишком маленький.

Потом Алиса заметила маленькую дверь примерно пятнадцать дюймов в высоту. Она сунула ключ в замок, и к её большой радости он подошёл. Алиса открыла дверь и обнаружила маленький

коридор, не больше крысиной норки. Но как туда попасть? Она была слишком большой для этого коридора. Она встала на колени и увидела в конце коридора сад цветов.

Алиса вернулась к столу: на этот раз она нашла на нём маленькую бутылочку, которой не было там прежде, а к горлышку была прикреплена бумажная этикетка с надписью большими буквами: «ВЫПЕЙ МЕНЯ».

Очень хорошо, конечно, говорить «Выпей меня», но маленькая мудрая Алиса сказала:

— Нет, я сначала посмотрю: помечена бутылка «Яд» или нет.

Она знала: если вы попьёте из бутылки, помеченной «Яд», то в результате, конечно, заболеете.

Однако эта бутылка не была помечена «Яд», поэтому Алиса решила попробовать содержимое. Она нашла его очень вкусным (у него был вкус вишнёвого пирога, мороженого, ананаса, жареной индейки и горячего тоста).

— Какое странное ощущение, — сказала Алиса, — уверена, что я уже не такая большая, какой была.

И действительно: она была теперь всего лишь десять дюймов росту. Теперь её размеры как раз подходили для того, чтобы войти в маленькую

дверь и выйти в красивый сад. Таким образом, она решила войти; но — увы! бедная Алиса! Она забыла маленький золотой ключик, а когда вернулась за ним к столу, то не могла его достать: она была слишком мала. Бедная маленькая Алиса села и заплакала.

Вскоре она увидела маленькую стеклянную коробочку, которая лежала под столом: она открыла её — и нашла в ней очень маленький пирожок, на котором заметила слова «СЪЕШЬ МЕНЯ».

— Хорошо, я съем его, — сказала Алиса, — и если я вырасту, то смогу добраться до ключа; а если стану меньше, то смогу проползти под дверью!

И она быстро съела весь пирожок.

Глава II
Море слёз

— Как странно! — вскрикнула Алиса, — какая я высокая! До свидания, ноги! О, мои бедные маленькие ножки, кто наденет теперь на вас ботинки и чулки, мои дорогие?

Когда она посмотрела вниз на свои ноги, они были очень далеко.

— Так, посмотрим. Буду посылать им на каждое Рождество по новой паре ботинок.

Она остановилась, чтобы подумать: как же их послать?

— Они должны отправиться почтой, — подумала она, — как забавно! Я пошлю ботинки своим собственным ногам! Каким странным будет адрес!

В этот момент её голова ударилась об крышу зала, она действительно была теперь больше девяти футов ростом, и она сразу взяла маленький золотой ключик. Но она не может открыть дверь: она слишком большая. Бедная Алиса! Она села и снова принялась плакать.

— Какой стыд! — сказала Алиса, — такая боль-

шая девочка, как ты! Не плачь! Немедленно прекрати, говорю тебе!

Она проливала галлоны слёз, пока вокруг неё не образовалась большая лужа, приблизительно в четыре дюйма глубиной, занимавшая половину зала.

Через некоторое время она услышала шум. Она поспешно вытерла глаза, чтобы посмотреть, что к ней приближается. Это был Белый Кролик. Он возвращался с парой белых перчаток в одной руке и большим веером в другой. Он бормотал сам себе:

— О! Герцогиня, Герцогиня! Она рассердится. О! Я не могу опаздывать!

Алиса заговорила тихим, робким голосом:

— Пожалуйста, сэр…

Кролик уронил белые перчатки и веер и убежал в темноту.

Алиса подняла веер и перчатки.

— О боже, о боже! Как всё сегодня странно! А вчера всё было как обычно. Ночью я изменилась? Дай-ка я подумаю, кто я? Знаю ли я вещи, которые знала? Дай-ка посмотрю: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь — … о боже! Так я никогда не дойду до двадцати. Попробуем лучше географию.

Лондон — столица Парижа, а Париж — столица Рима, а Рим — … нет, я уверена, что это всё неправильно! Кто же я тогда? — закричала Алиса со слезами на глазах. — Я так устала!

Когда она сказала это, то посмотрела вниз на свои руки — и удивилась. Она надела одну из маленьких белых перчаток Кролика.

— Как я смогла это сделать? — подумала она. — Я снова становлюсь маленькой.

Она встала и подошла к столу. Теперь она была высотой примерно два фута. Причиной этого был веер, который она держала, и она торопливо его отбросила.

И она побежала к маленькой дверце, но — увы! Маленькая дверца была снова закрыта, а маленький золотой ключик, как и прежде, лежал на стеклянном столе. Её нога поскользнулась, и она тут же — плюх! — оказалась в солёной воде. Она была в море своих собственных слёз!

— Я потону в собственных слезах! — сказала Алиса, — сегодня всё странно.

И в этот миг она услышала всплеск; сначала она думала, что это морж или гиппопотам, но потом она вспомнила, какой маленькой она теперь была, и скоро поняла, что это была всего лишь мышь.

— Заговорить ли, — подумала Алиса, — с этой мышью? Я попробую.

И она начала:

— О Мышь, вы знаете, как выбраться из этой лужи? Я очень устала, о Мышь!

Мышь посмотрела на неё, но ничего не сказала.

— Возможно, она не понимает английский язык, — подумала Алиса, — вероятно, это французская мышь.

И она тогда начала снова:

— Où est ma chatte?

Это было первое предложение в её французском учебнике. Мышь была в ужасе.

— О, прошу прощения! — торопливо закричала Алиса. — Я совсем забыла, что вам не нравятся кошки.

— Не нравятся кошки! — вскричала Мышь пронзительным, взволнованным голосом. — Я — мышь, разве ты не видишь?

— Да, да, — сказала Алиса, — не сердитесь. Но бывают хорошие кошки, например, наша кошка Дина. Она очень умна и красива. И ей нравится ловить мышей… — о, прошу прощения! — снова закричала Алиса. — Мы не будем больше говорить о Дине.

— Да уж, действительно! — крикнула Мышь. — Наша семья всегда ненавидела кошек: противные, низкие, вульгарные животные! Не говори снова про кошек!

— Не буду! — сказала Алиса. — А Вам — Вам — нравятся — собаки?

Мышь не ответила.

— Рядом с нашим домом есть такая миленькая собачка! Маленький светлоглазый терьер, знаете, с такой длинной вьющейся каштановой шерстью! Он может делать всё, его хозяин — фермер. Знаете, он говорит, что этот терьер так полезен, что стоит сто фунтов! Говорит, что он убивает всех крыс и… о боже! — закричала Алиса печальным тоном, — Извините!

Мышь очень быстро отплывала от неё. Алиса мягко её позвала:

— Дорогая Мышь! Вернитесь, и мы не будем говорить о кошках или собаках, если Вам они не нравятся!

Когда Мышь это услышала, она развернулась и медленно поплыла обратно: её морда была очень бледна. Мышь сказала низким голосом:

— Давай доберёмся до берега, и тогда я расскажу тебе свою историю, и ты поймёшь, почему я ненавижу кошек и собак.

Лужа переполнилась птицами и животными. Все поплыли к берегу.

Глава III
Бег по кругу и длинный рассказ

Мышь сказала:

— Все садитесь и слушайте меня!

Все сразу сели большим кольцом, Мышь уселась в середине.

— Хм! — сказала Мышь, — действительно ли все готовы? Тишина, пожалуйста!

И она начала рассказывать о Вильгельме Завоевателе.

— Ох! — с дрожью сказал Попугайчик.

— Прошу прощения? — сказала Мышь, хмурясь, но очень вежливо: — Вы что-то сказали?

— Нет-нет! — торопливо сказал Попугайчик.

— Я продолжаю, — сказала Мышь. — Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии, нашли это…

— Нашли ЧТО? — спросила Утка.

— Нашли ЭТО, — ответила Мышь, — вы, конечно, знаете, что означает «это».

— Я достаточно хорошо знаю, что означает «это», когда нахожу какую-нибудь вещь, — сказала Утка, — это — вообще лягушка или червяк.

Вопрос такой: что нашли те джентльмены?

Мышь не заметила этот вопрос.

— Как ты, моя дорогая? — спросила она Алису.

— Я мокрая, — ответила Алиса.

Как высохнуть? У них был долгий разговор об этом, но трудно сказать, что лучше.

— Я думаю, — сказал Додо, — что лучший способ высохнуть, — это бег по кругу.

— Что такое бег по кругу? — спросила Алиса.

— О, — сказал Додо, — лучший способ объяснить это состоит в том, чтобы сделать это.

Сначала он нарисовал круг, а затем все принялись бегать. Скоро все они снова стали сухими, и Додо сказал, что «бег окончен!»

Птицы и животные начали спрашивать:

— Но кто победитель?

Додо сказал:

— Все победители, и все получат призы.

— Но кто раздаст призы? — спросили у него.

— Она, конечно, — сказал Додо и указал длинным когтем на Алису. И все сразу сгрудились вокруг неё и закричали:

— Приз, приз!

Алиса понятия не имела, что делать, и в отчаянии она сунула руку в карман — и вытащила коробочку леденцов. И раздала всем по кругу в

качестве призов.

— Но у неё самой должен быть приз, знаете ли, — сказала Мышь.

— Конечно, — очень серьёзно ответил Додо. — Что ещё есть у тебя в кармане? — Он повернулся к Алисе.

— Только напёрсток, — печально сказала Алиса.

— Дай его мне, — сказал Додо.

Додо торжественно вручил напёрсток:

— Пожалуйста, прими этот изящный напёрсток, — и все зааплодировали.

Алиса скромно поклонилась и взяла напёрсток.

Потом нужно было съесть леденцы: это вызвало суету. Наконец, с леденцами было покончено, и все уселись кольцом и попросили Мышь рассказать историю.

— Вы обещали рассказать мне свою историю, — сказала Алиса Мыши, — почему вы ненавидите кошек и собак, — добавила она шёпотом.

— Это длинная и грустная история! — сказала Мышь. И она начала:

Злюка сказал

мышке, которую

встретил
в доме:
«Пойдём-ка
вместе
в суд: я
засужу
тебя. Пойдём,
нечего
отрицать; у нас
должен
состояться суд:
Потому что
этим утром мне
нечего
делать».
Мышь
ответила
псу:
«Но суд,
дорогой сэр,
без
присяжных,

без судьи,
это
трата
времени
попусту».
«Я буду
судьёй, я буду
и присяжными», —
Ответил
хитрый
старый пёс.
«Я
рассмотрю
всё
дело
и
приговорю
тебя
к
смерти».

— Это, конечно, длинный хвост, — сказала Алиса и посмотрела на хвост Мыши, — но почему вы

называете его грустным?

— Я не скажу тебе, — сказала Мышь.

Она встала и пошла.

— Пожалуйста, вернитесь и расскажите нам свою историю, — позвала её Алиса, и все присоединились к ней:

— Да, пожалуйста!

Но Мышь покачала головой.

— Ты не слушаешь! — строго сказала Мышь Алисе. — О чём ты думаешь? Ты всегда несёшь чепуху!

И вскоре она исчезла из виду.

— О, где моя Дина? — сказал Алиса. — Дина может её вернуть.

— А кто такая Дина, позвольте спросить? — молвила одна из птиц.

Алиса была рада поговорить о своей любимице.

— Дина — это наша кошка, и она очень быстро ловит мышей. Кроме того, ещё быстрее Дина ловит птиц! И сразу их ест!

Эти слова вызвали среди собравшихся большое смятение. Птицы поспешно разлетелись; при этом они говорили:

— Нам нужно домой, уже поздно, пора ложиться спать.

Все отправились домой, и Алиса вскоре осталась одна. Бедная Алиса снова стала плакать, потому что почувствовала себя очень одинокой. Вдруг она услышала шум.

Глава IV
Билль вылетает в трубу

Это был Белый Кролик, он с тревогой озирался и бормотал сам себе:

— Герцогиня! Герцогиня! Она отрубит мне голову! О мои дорогие лапки! О моя шкурка и бакенбарды! Где же я их потерял?

Алиса сразу предположила, что Кролик искал веер и белые перчатки, но всё вдруг изменилось — и большой зал со стеклянным столом и маленькой дверью вдруг исчез.

Очень скоро Кролик заметил Алису и сказал ей сердитым тоном:

— Мэри Энн, что ты тут делаешь? Беги домой и принеси мне перчатки и веер! Быстрее!

Алиса так испугалась, что тотчас убежала.

— Он принял меня за свою горничную, — говорила она себе на бегу. — Но лучше принести ему его веер и перчатки, конечно, если я смогу их найти.

Как только она произнесла это, она оказалась рядом с опрятным маленьким домиком, на двери которого красовалась блестящая медная таблич-

ка с именем «Б. КРОЛИК». Она вошла и поспешила наверх.

— Как это странно! — сказал себе Алиса. — Я — слуга Кролика. Думаю, что моей следующей хозяйкой будет сама Дина!

К этому времени она добралась до чистой маленькой комнаты со столом у окна, а на нём лежали веер и две или три пары крошечных белых перчаток. Она взяла веер и перчатки и заметила небольшую бутылочку, которая стояла около зеркала. На этот раз не было никакой таблички со словами «ВЫПЕЙ МЕНЯ», но Алиса открыла бутылочку и приложила к губам.

— Посмотрим, — сказала она себе, — что делает эта бутылочка. Я надеюсь, она снова сделает меня большой!

И действительно так и случилось, и вскоре её голова оказалась под потолком. Она сказала:

— Достаточно.

Увы! Было слишком поздно! Она росла, росла и росла. Через минуту ей уже не хватало места, и она высунула руку в окно, а ногу в дымоход. К счастью для Алисы, магия прекратилась, и она уже больше не росла. Но она чувствовала себя несчастной.

— Дома было намного лучше, — думала бедная

Алиса, — тогда я не становилась всё время то большой, то маленькой, и мыши и кролики не приказывали мне. Зачем я залезла в ту кроличью нору?

Через несколько минут она услышала голос снаружи.

— Мэри Энн! Мэри Энн! — говорил голос. — Принеси мне перчатки!

Алиса знала, что это был Кролик, и задрожала. Кролик подошёл к двери и попытался её открыть, но дверь открывалась внутрь, а локоть Алисы крепко её удерживал.

Кролик сказал себе:

— Ну, тогда я обойду вокруг и залезу в окно.

— Не получится, — подумала Алиса и внезапно освободила свою руку. Она услышала небольшой треск и звон разбитого стекла. Затем раздался сердитый голос (Кролика):

— Пэт! Пэт! Где ты?

И другой голос:

— Я здесь!

— Скажи-ка мне, Пэт, что там в окне?

— Это рука, Ваша честь!

— Рука, болван! Такая большая! Она заполняет всё окно!

— Именно так, Ваша честь, это рука.

— Хорошо, пойди и убери её!

После этого наступила долгая тишина, и Алиса могла слышать только шёпот, такой как:

— Мне это не нравится, Ваша честь, совсем, совсем!

— Делай, как тебе говорю, трус! Мы должны сжечь дом дотла! — раздался голос Кролика; и Алиса закричала так громко, как могла:

— Если вы сделаете это, то я позову Дину!

Сразу наступила мёртвая тишина, и Алиса подумала:

— Что они теперь будут делать?

Через минуту-другую в окно полетел дождь меленьких камней, и некоторые из них ударили её по лицу. Алиса с некоторым удивлением заметила, что камушки превращались в пирожки, и ей в голову пришла прекрасная мысль.

— Если я съем один пирожок, — подумала она, — он изменит мои размеры; думаю, что он может уменьшить меня.

Так она проглотила один из пирожков — и стала меньше. Скоро она была достаточно маленькой, чтобы пройти через дверь. Она выбежала из дома и увидела снаружи толпу маленьких животных и птиц. Алиса убежала прочь. Она бежала и бежала, пока, наконец, не увидела возле себя большой

гриб, он был примерно такой же, как она, высоты. Она встретилась взглядом с большой гусеницей, которая сидела на шляпке и спокойно курила кальян.

Глава V
Совет от Гусеницы

Некоторое время Гусеница и Алиса молча смотрели друг на друга; наконец, Гусеница вынула кальян изо рта и обратилась к Алисе сонным голосом.

— Кто ты? — спросила Гусеница.

Алиса ответила довольно застенчиво:

— Я… едва ли я знаю именно сейчас… по крайней мере, я знаю, кем я была, когда встала этим утром, но я думаю, что несколько раз изменилась.

— Что ты имеешь в виду под этим? — серьёзно спросила Гусеница. — Объяснись!

— Боюсь, не могу, — сказала Алиса очень вежливо. — Я…

— Ты! — высокомерно сказала Гусеница. — Кто ТЫ?

Это вернуло их в начало беседы.

Алиса подумала, что Гусеница весьма не в духе, и пошла прочь.

— Вернись! — потребовала Гусеница. — Я хочу сказать тебе кое-что важное!

Алиса повернулась и пришла назад.

— Держи себя в руках, — сказала Гусеница.

— Это всё? — спросила Алиса.

— Нет, — ответила Гусеница.

Алиса ждала.

— Значит, ты думаешь, что изменилась, не так ли? — спросила Гусеница.

— Боюсь, что да, — сказала Алиса, — я не могу вспомнить некоторые вещи.

— Какие вещи ты не можешь вспомнить? — спросила Гусеница.

— Некоторые стихи, например, — ответила Алиса очень печальным голосом.

— Прочитай «Ты стар, Папа Вильям», — сказала Гусеница.

Алиса сложила руки и принялась читать стихотворение:

«Ты стар, Папа Вильям, — так молвил юнец,.»

— Неправильно, — сказала Гусеница.

— Боюсь, возможно, не совсем правильно, — робко сказала Алиса.

— Неправильно от начала до конца, — решительно сказала Гусеница, и на несколько минут воцарилась тишина.

— Какого размера ты хочешь быть? — спросила Гусеница.

— Знаете,. — начала Алиса.

— НЕ знаю, — сказала Гусеница.

Алиса ничего не ответила и почувствовала, что теряет терпение.

— Ты сейчас довольна? — спросила Гусеница.

— Ну, я хочу быть немного больше, — сказала Алиса, — три дюйма — такой жалкий рост.

— Это, на самом деле, очень хороший рост! — сердито сказала Гусеница (она была как раз ростом три дюйма); она засунула в рот кальян и снова принялась курить.

На этот раз Алиса терпеливо ждала, пока Гусеница не заговорит снова. Через минуту или две Гусеница вынула кальян изо рта и несколько раз зевнула. Потом она сползла с гриба и скрылась в траве. По пути она заметила:

— Одна сторона тебя увеличит, а другая — уменьшит.

— Одна сторона чего? Другая сторона чего? — подумала про себя Алиса.

— Гриба, — сказала Гусеница.

Гриб был совершенно круглым, поэтому для Алисы это было сложной задачей. Между тем, она, наконец, решила откусить немного гриба. И в тот же миг её подбородок стукнулся о ногу!

Она была напугана такой переменой, поэтому

откусила кусочек с другой стороны. Наконец, она стала почти нужного роста. Она пошла вперёд и увидела маленький домик высотой приблизительно в четыре фута. Она снова откусила немного гриба и стала ростом девять дюймов.

— Это как раз подходящий рост, чтобы войти в дом, — сказала Алиса.

Глава Vi
Поросёнок и перец

Минуту или две Алиса стояла возле дома. Она терялась в догадках, что теперь делать, когда внезапно слуга — рыба — вышел из леса и громко постучал в дверь. Другой слуга с круглым лицом и большими глазами, похожий на лягушку, открыл дверь.

Слуга-рыба сказал торжественным тоном:

— Для Герцогини. Приглашение от Королевы поиграть в крокет.

Слуга-лягушка повторил сказанное таким же торжественным тоном:

— От Королевы. Приглашение для Герцогини поиграть в крокет.

Потом Слуга-рыба убежал. Алиса робко подошла к двери и постучала.

— Зачем ты стучишь? — спросила Лягушка, — я с той же стороны двери, что и ты. А внутри поднимают такой шум, что, возможно, тебя никто не услышит.

И действительно: внутри дома грохотал немыслимый шум.

— Тогда скажите, пожалуйста, — сказала Алиса, — как войти внутрь?

— Ты уверена, что хочешь войти? — спросила Лягушка. — Это, как понимаешь, главный вопрос.

— Как это ужасно, — пробормотала сама себе Алиса, — как им нравится спорить, этим животным!

Лягушка сказала:

— Я буду сидеть здесь в течение многих дней.

— Но что мне делать? — спросила Алиса.

— Всё, что тебе нравится, — ответил Слуга и начал свистеть.

— О, он просто глуп! — отчаянно сказала Алиса.

Она открыла дверь и вошла.

Дверь вела прямо в большую кухню, которая вся была полна дыма. Герцогиня сидела на трехногом табурете в середине, она качала ребёнка. Кухарка склонилась над огнём, там стоял большой котёл, полный супа.

— В том супе, конечно, слишком много перца! — сказала себе Алиса и стала чихать.

Даже Герцогиня иногда чихала, а ребёнок чихал и всё время выл. Не чихали только кухарка и большой кот. Кот сидел у печи и улыбался до

ушей.

— Пожалуйста, скажите мне, — робко сказала Алиса, — почему ваш кот улыбается?

— Это Чеширский кот, — ответила Герцогиня, — именно поэтому. Свинья!

Она произнесла последнее слово с такой неожиданной силой, что Алиса подскочила. Но она тут же поняла, что так обратились не к ней, а к ребёнку. Поэтому она расхрабрилась и снова продолжила:

— Я не знала, что Чеширские коты всегда улыбаются; на самом деле, я не знала, что кошки вообще могут улыбаться.

— Они все могут, — сказала Герцогиня, — и большинство из них так и делает.

— Я ничего не знаю об этом, — сказал Алиса очень вежливо.

— Ты многого не знаешь, — сказала Герцогиня, — и это — факт.

Алисе не понравился тон этого замечания. Тем временем кухарка сняла котёл супа с огня и принялась бросать в Герцогиню и ребёнка всё что попало: кастрюли, тарелки и блюда.

— О, пожалуйста, не делайте этого! — закричала в ужасе Алиса. — О, его драгоценный носик!

— Не лезь не в своё дело, — хрипло прорычала

Герцогиня. — О, не надоедай мне! Вот! Ты можешь понянчить его, если так хочешь! — Герцогиня сказала это и бросила Алисе ребёнка. — Я должна пойти подготовиться к игре в крокет с Королевой, — и она поспешно вышла из комнаты.

Кухарка запустила ей вслед сковородку.

Алиса с трудом поймала ребёнка. Она вынесла его на улицу.

— Если я не возьму этого ребёнка с собой, — подумала Алиса, — они убьют его через день или два; оставлять его там — убийство.

Она сказала последние слова вслух, и ребёнок хрюкнул в ответ.

— Не хрюкай, — сказала Алиса, — это невежливо.

Ребёнок хрюкнул снова, и Алиса с тревогой посмотрела на его лицо. Ребёнок всхлипывал (или хрюкал, было невозможно сказать, что именно), и они молча продолжили свой путь.

— И что я буду делать с этим ребёнком, когда вернусь домой? — сказала Алиса, когда он снова хрюкнул. Она пристально посмотрела на его лицо. Ошибки быть не могло: это был поросёнок, и нести его дальше было бы весьма нелепо.

Поэтому она опустила поросёнка вниз, и тот спокойно направился в лес.

— Это ужасно уродливый ребенок, — сказала она себе, — но думаю, что это красивый поросёнок.

И она начала вспоминать знакомых детей, из которых бы получились хорошие поросята.

— Но как их в них превратить?

Вдруг она увидела Чеширского Кота. Кот сидел на ветке дерева. Кот улыбнулся, когда увидел Алису. Она подумала, что он выглядит добродушным, но у него были очень длинные когти и много зубов.

— Чеширский Кот, — начала она робко, а Кот только немного шире улыбнулся. — Скажите мне, пожалуйста, куда идти?

— Это зависит от того, куда ты хочешь пойти, — сказал Кот.

— Мне всё равно, куда, — сказала Алиса.

— Тогда не имеет значения, по какой дороге идти, — сказал Кот.

— Я хочу куда-нибудь добраться, — добавила Алиса в качестве объяснения.

— О, ты это сделаешь, — сказал Кот, — если будешь идти достаточно долго.

Алиса попробовала сменить тему.

— Что за люди живут здесь?

— В этом направлении, — сказал Кот, — живёт

Шляпник, а в том направлении живёт Мартовский Заяц. Навести их: они оба безумны.

— Но я не хочу видеть безумных людей, — заметила Алиса.

— О, мы все здесь безумны, — сказал Кот. — Я безумен. Ты безумна.

— Откуда вы знаете, что я безумна? — спросила Алиса.

— Конечно, это так, — сказал Кот, — ты же здесь.

— А откуда вы знаете, что вы безумны? — продолжала она.

— Пёс не безумен, — сказал Кот, — согласна с этим?

— Допустим, — сказал Алиса.

— Хорошо, — продолжал Кот, — пёс рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. Я же рычу, когда я радуюсь, и виляю хвостом, когда я сержусь. Поэтому я безумен. Ты играешь сегодня с Королевой в крокет?

— С радостью бы, — сказала Алиса, — но у меня нет приглашения.

— Ты меня там увидишь, — сказал Кот и исчез.

Алиса не очень удивилась этому. Пока она смотрела на место, где был кот, он внезапно снова появился.

— А что случилось с ребёнком? — сказал Кот, — забыл спросить.

— Он превратился в поросёнка, — спокойно сказала Алиса.

— Ну конечно, — сказал Кот и снова исчез.

Алиса немного подождала, но Кот не появлялся, и через минуту или две она уже шла в направлении, где жил Мартовский Заяц.

— Я видела шляпников, — говорила она себе, — Мартовский Заяц поинтереснее.

Сказав это, она посмотрела вверх — а там снова был Кот. Он сидел на ветке дерева.

— Ты сказала в поросёнка или в гусёнка? — спросил Кот.

— Я сказала в поросёнка, — ответила Алиса, — вы можете появляться и исчезать не так быстро, пожалуйста?

— Хорошо, — сказал Кот и на этот раз исчез очень медленно. Он начал исчезать с кончика хвоста, а закончил улыбкой. Его улыбка некоторое время висела в воздухе.

— Ого! Я видела кошек без улыбки, — подумала Алиса, — но улыбка без кошки! Как любопытно!

Она пошла дальше и увидела дом Мартовского Зайца. Печные трубы походили на уши, а крыша была покрыта мехом. Это был большой дом, она

съела немного гриба и выросла примерно на два фута.

Глава VII
Безумное чаепитие

Под деревом перед домом стоял стол, Мартовский Заяц и Шляпник пили чай, Мышь-Соня сидела между ними и крепко спала. Мартовский Заяц и Шляпник использовали её как подушку. Они опёрлись на неё локтями и разговаривали через её голову.

— Очень неудобно для Сони, — подумала Алиса, — но она спит, поэтому, я предполагаю, ей всё равно.

Стол был большим, но все сидели вместе в одном углу:

— Мест нет! Мест нет! — крикнули они, когда увидели Алису.

— Тут много места! — сказала с негодованием Алиса и уселась в большое кресло на конце стола.

— Выпей вина, — сказал Мартовский Заяц.

Алиса осмотрела стол, но на нём не было ничего, кроме чая.

— Я не вижу вина, — заметила она.

— А его и нет, — сказал Мартовский Заяц.

— Почему же вы тогда предлагаете? Это не очень вежливо с вашей стороны, — сердито сказала Алиса.

— Не очень вежливо с твоей стороны сидеть здесь: никто тебя не приглашал, — сказал Мартовский Заяц.

— Я не знала, что это ваш стол, — сказала Алиса, — тут много чашек.

Шляпник очень широко раскрыл глаза и сказал:

— Чем ворон похож на конторку?

— Думаю, что могу отгадать! — громко сказала Алиса.

— Ты имеешь в виду, что думаешь, что можешь ответить? — спросил Мартовский Заяц.

— Именно так, — сказала Алиса.

— Тогда ты должна сказать, что ты имеешь в виду, — продолжал Мартовский Заяц.

— Я это и делаю, — торопливо ответила Алиса, — по крайней мере… по крайней мере, я имею в виду то, что я говорю — это одно и то же, знаете ли.

— Совсем не одно и то же! — сказал Шляпник. — Ты можешь сказать, что «я вижу то, что ем» — это всё равно что «я ем то, что вижу»!

— Ты можешь сказать, — добавил Мартовский

Заяц, — что «люблю то, что имею» — это то же, что «имею то, что люблю»!

— Ты можешь сказать, — добавила во сне Соня, — что «я дышу, пока сплю» — это то же самое, что и «я сплю, пока дышу»!

— Для тебя это одно и то же, — сказал Шляпник, и на этом разговор прервался, и они молча посидели в течение минуты.

— Какое сегодня число? — спросил Шляпник. Он вынул из кармана свои часы. Он смотрел на них, тряс и подносил к уху.

Алиса немного подумала, а затем сказала:

— Четвёртое.

— Отстают на два дня! — вздохнул Шляпник. — Послушай: нельзя их смазывать сливочным маслом! — он сердито посмотрел на Мартовского Зайца.

— Это было лучшее масло, — кротко ответил Мартовский Заяц.

— Да, но там были крошки, — проворчал Шляпник, — ты пользовался хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы и уныло посмотрел на них: потом он опустил их в свою чайную чашку и снова посмотрел на них.

— Знаешь, это было лучшее масло, — опять сказал он.

Алиса с некоторым любопытством заглядывала ему через плечо.

— Какие забавные часы! — отметила она. — Они показывают число, а не время!

— И что? — пробормотал Шляпник. — Твои часы показывают, какой сейчас год?

— Конечно, нет, — с готовностью ответила Алиса, — потому что мой год тянется так долго.

— Но мой год также долог, — сказал Шляпник.

— Я не совсем вас понимаю, — сказал Алиса.

— Соня снова спит, — сказал Шляпник и плеснул ей на нос горячего чая.

Соня покачала головой и сказала:

— Конечно, конечно; я только что собиралась это сказать.

— Как насчёт загадки? — спросил Шляпник.

— Сдаюсь, — ответила Алиса, — каков ответ?

— Понятия не имею, — сказал Шляпник.

— Я тоже, — сказал Мартовский Заяц.

— Который час? — спросила Алиса.

— Теперь всегда шесть часов, — ответил Шляпник, — всегда время чаепития, а посуду мыть нет времени.

— Вы ведь двигаетесь по кругу, как я предполагаю? — сказала Алиса.

— Именно так, — сказал Шляпник.

— Но что происходит, когда вы снова доходите до начала? — спросила Алиса.

— Давайте сменим тему, — прервал беседу Мартовский Заяц. — Юная леди расскажет нам одну историю, верно?

— Боюсь, что не знаю ни одной, — сказала Алиса.

— Тогда Соня нам что-нибудь расскажет, — закричали Шляпник и Мартовский Заяц. — Соня, просыпайся!

И они одновременно ущипнули её.

Соня медленно открыла глаза.

— Я не спала, — сказала она хриплым, слабым голосом, — я слышала каждое слово.

— Расскажи нам историю! — сказал Мартовский Заяц.

— Да, пожалуйста, расскажите! — взмолилась Алиса.

— И побыстрее, — добавил Шляпник.

— Жили-были три сестрички, — весьма поспешно начала Соня, — и их звали Элси, Лэси и Тилли; и жили они на дне колодца…

— Что они ели или пили? — спросила Алиса.

— Они пили кисель, — сказала Соня.

— Знаете, они не могли так делать, — мягко заметила Алиса, — они болели?

— Да, болели, — сказала Соня, — сильно болели.

Алиса продолжала:

— Но почему они жили на дне колодца?

— Выпей ещё чаю, — предложил Мартовский Заяц Алисе.

— Я ничего не пила, — ответила Алиса, — поэтому я не могу выпить ещё больше.

— Ты имеешь в виду, что не можешь выпить МЕНЬШЕ, — сказал Шляпник, — очень легко выпить БОЛЬШЕ, чем вообще ничего.

— А вас никто не спрашивал, — сказала Алиса.

Алиса налила себе чаю и взяла бутерброд, а затем повернулась к Соне и повторила свой вопрос:

— Почему они жили на дне колодца?

Соня сказала:

— Это был колодец киселя.

— Это невозможно! — Алиса очень рассердилась, но Шляпник и Мартовский Заяц зашикали «Тсс! Тсс!» — и Соня угрюмо заметила:

— Если ты не умеешь вести себя прилично, досказывай историю сама.

— Нет, пожалуйста, продолжайте! — очень кротко сказала Алиса, — я не буду больше вас перебивать.

— И вот эти три сестрички, знаете ли, учились черпать, — сказала Соня.

— Что они черпали? — спросила Алиса.

Она забыла о своём обещании.

— Кисель, — сказала Соня.

— Я хочу чистую чашку, — вмешался Шляпник, — давайте подвинемся.

Он подвинулся, и Соня последовала за ним: Мартовский Заяц пересел на место Сони, а Алиса заняла место Мартовского Зайца.

Алиса не хотела опять обидеть Соню, поэтому начала очень осторожно:

— Но я не понимаю, из чего они черпали кисель?

— Ты можешь черпать воду из водяного колодца, — сказал Шляпник, — поэтому я думаю, что ты можешь черпать кисель из кисельного колодца, а, глупышка?

— Но ведь они находились В колодце, — сказала Алиса Соне.

— Конечно, они были там, — сказала Соня, — они учились черпать и черпали всё, что начинается с буквы М.

— Почему с М? — спросила Алиса.

— А почему бы и нет? — сказал Мартовский Заяц.

Алиса молчала.

Соня к этому времени закрыла глаза. Шляпник ущипнул её, она с визгом проснулась и продолжила:

— Что начинается с М: мышеловка, месяц, мемуары и множество — ты видела множество?

— Множество? — спросила Алиса, очень испугавшись, — я не думаю…

— Тогда и молчи, — сказал Шляпник.

Алиса встала и пошла прочь; Соня немедленно заснула, и никто не стал окликать девочку. Они пытались засунуть Соню в чайник.

— Я никогда не пойду туда снова! — сказала Алиса. — Это самое глупое в мире чаепитие!

Как только она сказала это, она заметила дверь в одном дереве.

— Это очень странно! — подумала она. — Но сегодня всё странно. Думаю, что могу туда войти.

И она вошла.

Снова она оказалась в длинном зале рядом с маленьким стеклянным столиком. Она взяла маленький золотой ключ и отперла дверь, которая вела в сад. Она прошла по маленькому коридору — и оказалась в красивом саду, среди ярких цветов и прохладных фонтанов.

Глава VIII
Королевский крокет

У входа в сад был большой розовый куст, растущие на нём розы были белыми, но около него стояли три садовника. Они красили его в красный цвет. Алиса сочла это очень странным и подошла поближе, чтобы посмотреть, и когда она подошла к ним, то услышала голос:

— Смотри, осторожнее, Пятёрка! Не брызгай на меня краску!

— Я не виноват, — хмуро сказал Пятёрка, — меня толкнул под локоть Семёрка.

Семёрка посмотрел на него и сказал:

— Это не так, Пятёрка!

— Замолчи! — сказал Пятёрка. — Вчера Королева сказала, что ты заслуживаешь того, чтобы тебе отрубили голову!

— За что?

— Это тебя не касается, Двойка! — сказал Семёрка.

— Ещё как касается! — сказал Пятёрка, — и я отвечу ему: за то, что он принёс луковицы тюльпанов вместо лука.

Семёрка заметил Алису. Другие также оглянулись — и все они низко поклонились.

— Можете мне сказать, — немного робко сказала Алиса, — почему вы красите розы?

Пятёрка и Семёрка ничего не сказали, но посмотрели на Двойку. Двойка начал тихо:

— Дело в том, мисс, что Королева приказала посадить красный розовый куст, а мы посадили по ошибке белый. Знаете, если Королева это увидит, то нам отрубят головы. Поэтому, мисс,.

В этот момент Пятёрка закричал:

— Королева! Королева!

Раздался звук шагов, и Алиса оглянулась: она хотела увидеть Королеву.

Сначала показались десять солдат с трефами; все они выглядели, как эти три садовника, продолговатые и плоские, с руками и ногами по углам. Затем шли десять придворных с бубнами. После них шли королевские дети; их было десять. Затем шли гости, Короли и Королевы, и среди них Алиса признала Белого Кролика. Затем шествовал Червонный Валет, на тёмно-красной бархатной подушке он нёс корону Короля; и замыкали эту грандиозную процессию Червонные Король и Королева.

Алиса замерла на месте и ждала.

Когда процессия подошла к Алисе, все остановились и посмотрели на неё, и Королева строго спросила:

— Кто это?

Она сказала это Червонному Валету, который лишь поклонился и улыбнулся в ответ.

— Идиот! — сказала Королева и повернулась к Алисе, — как тебя зовут, дитя?

— Меня зовут Алиса, Ваше Величество, — сказала очень вежливо Алиса; но сама себе добавила: — Они всего лишь колода карт. Не стоит их бояться!

— А это кто? — Королева показала на трёх садовников.

— Откуда мне знать? — сказала Алиса. — Это меня не касается.

Королева побагровела от ярости и закричала:

— Отрубить ей голову! Отрубить!

— Чепуха! — сказала Алиса очень громко и решительно, и Королева замолчала.

Король положил свою руку на её и робко проговорил:

— Моя дорогая, она — всего лишь ребёнок!

Королева сердито отвернулась. Потом она повернулась к розовому кусту и спросила:

— Что вы тут делали?

— Ваше Величество, — сказал Двойка очень скромно, — мы пытались…

— Я вижу! — сказала Королева, которая смотрела на розы. — Отрубить им головы!

И процессия двинулась дальше, трое солдат направились к незадачливым садовникам, которые побежали за помощью к Алисе.

— Я спасу вас! — сказала Алиса и засунула их в большой цветочный горшок, который стоял рядом.

Три солдата побродили в течение минуты или двух, а затем спокойно ушли.

— Что с их головами? — прокричала Королева.

— Их больше нет, Ваше Величество! — прокричали солдаты в ответ.

— Отлично! — крикнула Королева. — Ты умеешь играть в крокет?

Солдаты молчали и смотрели на Алису.

— Да! — крикнула Алиса.

— Тогда пошли! — взревела Королева, и Алиса присоединилась к процессии.

— Это… Это очень хороший день! — сказал робкий голос.

Это был Белый Кролик, который с тревогой заглядывал в её лицо.

— Очень, — сказала Алиса, — где Герцогиня?

— Тише! Тише! — поспешно и еле слышно сказал Кролик.

Он придвинул свой рот к её уху и прошептал:

— Она приговорена к казни.

— За что? — спросила Алиса.

— Ты сказала: «Какая жалость!»? — спросил Кролик.

— Нет, — сказала Алиса, — совсем мне не жаль. Я сказала: «За что?»

— Она надавала Королеве оплеух, — начал Кролик.

Алиса засмеялась.

— О, тише! — испуганно прошептал Кролик. — Тебя услышит Королева! Видишь ли, она приехала поздно, и Королева сказала…

— Все по местам! — закричала Королева громовым голосом.

Это была очень странная площадка для игры в крокет! Там были сплошные рытвины и борозды, шарами служили ежи, молотками — фламинго, а солдаты — воротцами.

Играли все сразу, никто не ждал своей очереди. Игроки всё время ссорились и дрались за ежей. Королева была разъярена и поминутно кричала «Отрубить ему голову!» или «Отрубить ей голову!»

Алиса заметила в воздухе нечто интересное. Это была улыбка, и Алиса сказала сама себе:

— Это Чеширский Кот: теперь есть с кем поговорить.

— Ну, как дела? — спросил Кот, когда появился его рот.

— Я не думаю, что они играют в крокет, — начала Алиса, — и они все так ужасно ссорятся!

— Тебе нравится Королева? — тихо спросил Кот.

— Нисколько, — сказала Алиса, — она…

В этот момент она заметила, что Королева стоит рядом. Королева слушала. Поэтому Алиса продолжила:

— …очень хороший игрок, я думаю, что не смогу выиграть.

Королева улыбнулась.

— С кем ты разговариваешь? — спросил Король.

Он с большим любопытством смотрел на голову Кота.

— Это мой друг, Чеширский Кот, — ответила Алиса, — позвольте мне его представить.

— Мне он совсем не нравится, — сказал Король, — однако он может поцеловать мою руку, если хочет.

— Не хочу, — заметил Кот.

— Не дерзи, — сказал Король, — и не смотри так на меня!

— Коту можно смотреть на короля, — сказала Алиса, — я прочитала это в одной книге, но не помню, в какой.

— Так, я хочу убрать его, — сказал Король очень решительно и позвал Королеву, — моя дорогая! Пожалуйста, убери этого кота!

У Королевы был только один ответ.

— Отрубить ему голову! — сказала она.

— Очень хорошо, — нетерпеливо сказал Король.

Алиса следила за игрой. Трое из игроков были казнены, и ей это вообще не нравилось. Когда она посмотрела на Чеширского Кота, то была очень удивлена. Вокруг него собралась большая толпа. Между палачом, Королём и Королевой разгорелся спор.

Палач сказал, что невозможно отрубить коту голову, потому что у него нет тела. Король сказал, что любую голову можно отрубить. Королева сказала, что лучшее решение заключается в том, чтобы всем им отрубить головы.

Алиса сказала:

— Кот принадлежит Герцогине, давайте её об

этом спросим.

— Она в тюрьме, — сказала Королева палачу, — приведи её сюда.

И палач умчался, как стрела.

Голова Кота начала исчезать. Скоро она полностью исчезла. Поэтому все вернулись к игре.

Глава IX
История Черепахи Квази

— Моя дорогая, ты и представить себе не можешь, как я рада снова тебя видеть! — сказала Герцогиня Алисе, и они пошли вместе.

Алиса была очень довольна, найдя её в таком прекрасном расположении духа, и подумала, что, возможно, это перец делал Герцогиню такой сердитой.

— Когда я стану герцогиней, — сказала она себе, — на моей кухне не будет вообще никакого перца. Наверное, это перец заставляет людей всем перечить, — продолжала она, — а от уксуса люди куксятся, а от горчицы они огорчаются, а дети добреют от сдобы…

— Ты о чём-то думаешь, моя дорогая, — сказала Герцогиня, — и забываешь говорить. Но сейчас я тебе не скажу, в чём тут мораль.

— Возможно, и нет никакой морали вообще, — заметила Алиса.

— Что? — спросила Герцогиня. — У всего есть мораль, если только ты можешь её найти.

Говоря это, она прижалась к Алисе поближе.

Алисе это не очень понравилось, потому что Герцогиня была очень уродлива и у неё был очень острый подбородок. Однако Алиса не хотела быть грубой.

— Игра продолжается, — сказала она, чтобы немного поддержать разговор.

— Точно, — сказала Герцогиня, — и мораль здесь такова: о, это любовь, любовь движет миром!

— Говорят, — прошептала Алиса, — что нужно не лезть не в своё дело!

— Ах, да! Это значит то же самое, — сказала Герцогиня, — и мораль этого такова: думай о смысле!

— О, ей нравится во всём находить мораль! — подумала про себя Алиса.

— Я не уверена в характере твоего фламинго. Он кусается?

— Он может укусить, — осторожно ответила Алиса.

— Совершенно верно, — сказала Герцогиня, — и фламинго, и горчица кусаются. И мораль этого такова: это птицы одного полёта.

— Только горчица — это не птица, — заметила Алиса.

— Как всегда, верно, — сказал Герцогиня, — ка-

кой ясный ум!

— Я думаю, это минерал, — сказала Алиса.

— Конечно, так и есть, — сказала Герцогиня, которая была готова согласиться со всем, что говорит Алиса.

— О, я знаю! — воскликнула Алиса, — это овощ. Она не похожа на овощ, но всё-таки это овощ!

— Я полностью с тобой согласна, — сказала Герцогиня, — и мораль этого такова: никогда не думай о себе, что ты иная, чем могла бы быть иначе.

— Я думаю, что лучше смогу это понять, — сказала Алиса очень вежливо, — если запишу.

— Опять думаешь? — спросила Герцогиня и вонзила в неё свой маленький острый подбородок.

— Я имею право думать, — сказал Алиса резко.

— Знаешь, моя дорогая, — сказала Герцогиня, — мораль этого…

Но тут, к большому удивлению Алисы, рука Герцогини задрожала. Алиса осмотрелась — перед ними стояла Королева.

— Прекрасный день, Ваше Величество! — начала Герцогиня низким, слабым голосом.

— Я тебя предупреждаю, — закричала Королева, — либо мы лишимся тебя, либо ты лишишься

головы! Выбирай!

Герцогиня сделала выбор — и через мгновение ушла.

— Давай продолжим игру, — сказала Королева Алисе, и Алиса проследовала на площадку для игры в крокет.

Другие гости отдыхали в тени, но как только они увидели её, то сразу поспешно вернулись к игре. Королева просто заметила:

— Минутная задержка будет стоить вам жизни.

Всё время, пока они играли, Королева ссорилась с другими игроками и кричала «отрубить ему голову!» или «отрубить ей голову!» Все игроки, кроме Короля, Королевы и Алисы, были осуждены и ждали приговора.

Тогда Королева остановила игру и сказала Алисе:

— Ты видела Черепаху Квази?

— Нет, — сказала Алиса, — я даже не знаю, кто это такой. Никогда не видела и не слышала.

— Тогда пошли, — сказала Королева, — он расскажет тебе свою историю.

Когда они вместе ушли, Король тихо сказал гостям:

— Вам всё прощается.

— О, это хорошо! — сказала сама себе Алиса.

Очень скоро они встретили Грифона, он спал на солнце.

— Вставай, бездельник! — сказала Королева, — и отведи эту юную леди к Черепахе Квази. Я должна вернуться, — и она ушла.

Королева оставила Алису с Грифоном. Алисе не нравился вид этого существа, но ей показалось более безопасным остаться с ним, чем с гневной Королевой; поэтому она ждала.

Грифон сел и протёр глаза, потом хихикнул.

— Вот забавно! — сказал Грифон, не то самому себе, не то Алисе.

— Что забавно? — спросила Алиса.

— Она, — сказал Грифон, — это выдумки; знаешь, они никогда никого не казнят. Пошли!

— Все здесь говорят «пошли!», — подумала Алиса и медленно пошла за Грифоном.

Скоро они увидели Черепаху Квази. Он грустно и одиноко сидел на небольшом выступе скалы и вздыхал.

— Почему он грустит? — спросила Алиса Грифона, и Грифон ответил:

— Это, знаешь ли, выдумки, ничего он не грустит. Пошли!

Так они подошли к Черепахе Квази. Он посмот-

рел на них большими глазами, полными слёз, но ничего не сказал.

— Эта юная леди, — сказал Грифон, — хочет узнать твою историю.

— Я расскажу ей, — сказал Черепаха Квази глухим голосом, — садитесь оба и молчите. Я расскажу историю.

Так они сели, и никто ничего не говорил в течение нескольких минут. Алиса терпеливо ждала.

— Однажды, — наконец сказал Черепаха Квази с глубоким вздохом, — я был настоящей Черепахой.

После этого последовало долгое молчание. Черепаха Квази лишь рыдал. Алиса собиралась встать и сказать: «Спасибо за вашу интересную историю», — но сидела, не двигаясь, и молчала.

— Когда мы были маленькими, — наконец продолжил Черепаха Квази более спокойно, — мы ходили в школу на дне моря. Наставником был старик-Черепаха — мы называли его Учителем…

— Почему вы называли его Учителем, если на самом деле он был Черепахой? — спросила Алиса.

— Мы называли его Учителем, потому что он учил нас, — сердито сказал Черепаха Квази, — ты действительно очень глупа!

— Да, не задавай таких простых вопросов, — добавил Грифон; и затем они оба молча сидели и смотрели на бедную Алису. Наконец, Грифон сказал Черепахе Квази:

— Продолжай, старина!

И Черепаха Квази продолжил так:

— Да, мы ходили в школу на дне моря, хотя ты этому не веришь…

— Почему? Я не говорила этого! — вмешалась Алиса.

— Говорила, — сказал Черепаха Квази.

— Придержи язык! — добавил Грифон.

Черепаха Квази продолжал.

— У нас было лучшее образование, фактически, мы ходили в школу каждый день…

— И что? — спросила Алиса, — я тоже хожу в школу каждый день. Почему вы так гордитесь этим?

— С дополнительными уроками? — спросил Черепаха Квази несколько тревожно.

— Да, — сказала Алиса, — мы изучали французский язык и музыку.

— И стирку? — спросил Черепаха Квази.

— Конечно, нет! — сказал Алиса с негодованием.

— Ах! Тогда твоя школа не слишком хоро-

ша, — сказал Черепаха Квази с большим облегчением. — У нас был дополнительный предмет — стирка.

— Зачем? — спросила Алиса, — вы ведь жили на дне моря.

— Да, это так, — сказал Черепаха Квази со вздохом, — я изучал только обязательные предметы.

— И какие же? — спросила Алиса.

— Верчение и Корчение. Различные отрасли арифметики, — ответил Черепаха Квази, — Амбиция, Отвлечение, Обезображивание и Высмеивание.

— Я никогда не слышала об Обезображивании, — сказала Алиса, — что это?

Грифон удивился.

— Что! Никогда не слышала об этом! — воскликнул он. — Я предполагаю, тебе известно, что такое украшение?

— Да, — с сомнением сказала Алиса, — это означает делать что-либо красивее.

— Ну, тогда, — продолжал Грифон, — если ты не знаешь, что значит обезображивать, то ты просто дурочка.

Алиса повернулась к Черепахе Квази и сказала:

— Что ещё вы изучали?

— Мистику, — ответил Черепаха Квази, — Мистику, древнюю и современную, с Мореографией, а также Растяжение, Протяжение и Падание в обморок.

— И на что это было похоже? — сказала Алиса.

— Ну, я не могу тебе этого сейчас показать, — сказал Черепаха Квази, — я слишком стар для этого. А Грифон никогда этого не изучал.

— У меня не было времени, — сказал Грифон, — я ходил к классическому учителю. Он был старым крабом и старым ворчуном.

— Я никогда к нему не ходил, — сказал со вздохом Черепаха Квази, — он преподавал Смеяние и Горевание.

— Да, преподавал, именно преподавал, — сказал Грифон, и оба существа скрыли свои лица в лапах.

— И сколько часов в день у вас шли занятия? — спросила Алиса.

— Десять часов в первый день, — сказал Черепаха Квази, — девять в последующий и так далее.

— Какой любопытный план! — воскликнула Алиса.

— Вот почему их называют уроками, — заметил Грифон, — потому что они урезаются с каждым днём.

Для Алисы это было весьма новой идеей, и она сделала следующее замечание.

— Тогда одиннадцатый день был выходным?

— Конечно, именно так, — сказал Черепаха Квази.

— А что по поводу двенадцатого дня? — нетерпеливо спросила Алиса.

— Хватит об уроках, — очень решительным тоном прервал беседу Грифон, — расскажи ей теперь что-нибудь об играх.

Глава X
Кадриль омаров

Черепаха Квази глубоко вздохнул и посмотрел на Алису, потом попытался заговорить. Грифон потряс его и стукнул кулаком в спину. Наконец, Черепаха Квази со слезами на глазах, которые текли по щекам, продолжил:

— Ты не жила на дне моря…

(– Нет, — сказала Алиса.)

— и, возможно, ты не видела омара…

(Алиса начала было: «Я однажды пробовала…», — но торопливо сказала «нет, никогда».)

— поэтому, ты, вероятно, не знаешь, какой прекрасный танец кадриль омаров!

— Нет, совсем нет, — сказала Алиса. — А что это за танец?

— Ну, — сказал Грифон, — сначала вы выстраиваетесь в ряд вдоль побережья…

— В две линии! — крикнул Черепаха Квази. — Тюлени, черепахи, лососи и так далее; потом вы делаете два шага вперёд…

— Каждый с омаром в качестве партнёра! — крикнул Грифон.

— Конечно, — сказал Черепаха Квази, — делаешь два шага вперёд, кидаешься на партнёров…

— …меняешь омаров и возвращаешься назад в том же порядке, — продолжал Грифон.

— Потом же, — продолжал Черепаха Квази, — ты бросаешь…

— Омаров! — крикнул Грифон.

— …как можно дальше в море…

— Плывёшь за ними! — крикнул Грифон.

— Кувыркаешься в море! — воскликнул Черепаха Квази.

— Снова меняешь омаров! — вопил во весь голос Грифон.

— Снова возвращаешься на берег; это первая фигура, — сказал Черепаха Квази, внезапно замолчал, и два друга снова уселись и очень печально и тихо смотрели на Алису.

— Это, должно быть, очень красивый танец, — робко сказала Алиса.

— Хочешь посмотреть? — спросил Черепаха Квази.

— Конечно, очень хочу, — сказала Алиса.

— Ну, давай попробуем первую фигуру! — сказал Черепаха Квази Грифону. — Мы можем обойтись без омаров. Кто будет петь?

— О, ты и будешь петь, — сказал Грифон. — Я

забыл слова.

И они начали танцевать вокруг Алисы, а в это время Черепаха Квази пел песню о белуге и улитке — очень медленно и печально.

— Спасибо, очень интересно смотреть на этот танец, — сказала Алиса.

— О, ты, конечно, видала белугу? — спросил Черепаха Квази.

— Да, — сказала Алиса, — на ужи..., — она поспешно остановилась.

— Я не знаю, где может находиться ужи, — сказал Черепаха Квази, — но если ты видишь их так часто, то ты, конечно, знаешь, как они выглядят.

— Я даже могу сказать тебе нечто большее, если хочешь, — сказал Грифон. — Ты знаешь, почему её называют белугой?

— Нет, — сказал Алиса. — Почему?

— Потому что она делает ботинки и сапоги, — очень торжественно ответил Грифон.

Алиса была озадачена.

— Делает ботинки и сапоги? — повторила она.

— Да. Почему твои ботинки так блестят? — спросил Грифон.

Алиса посмотрела вниз на свои ботинки.

— Ботинки и сапоги на дне морском, — продолжал Грифон глубоким голосом, — белые. Теперь

ты знаешь.

— Итак, — сказал Черепаха Квази, — давай послушаем о твоих приключениях.

Алиса начала рассказывать им о своих приключениях с того момента, когда она увидела Белого Кролика. Поначалу её несколько тревожило, что эти два существа так близко к ней подошли и столь широко открыли глаза и рты.

Черепаха Квази сделал долгий вдох и сказал:

— Это очень странно.

— Может, ещё одну фигуру кадрили омаров? — предложил Грифон. — Или ты хотела бы, чтобы Черепаха Квази спел для тебя песню?

— О, песню, пожалуйста! — нетерпеливо ответила Алиса.

— Хм! Спой ей «Черепаховый суп», хорошо, старина? — сказал Грифон.

Черепаха Квази глубоко вздохнул и начал, рыдая, петь:

Прекрасный суп, столь густой и зелёный,
Ждёт в горячем котелке!
Кто бы не склонился над ним?
Вечерний суп, прекрасный суп!
Вечерний суп, прекрасный суп!

Прекра-а-а-асный су-у-у-уп!
Прекра-а-а-асный су-у-у-уп!
Вече-е-е-е-ерний су-у-у-уп!
Прекрасный, прекрасный суп!
Прекра-а-а-асный су-у-у-уп!
Прекра-а-а-асный су-у-у-уп!
Вече-е-е-е-ерний су-у-у-уп!
Прекрасный, прекрасный суп!

— Ещё раз припев! — крикнул Грифон, и Черепаха Квази начал повторять его, когда они услышали вопль:

— Суд начинается!

— Пошли! — крикнул Грифон, взял Алису за руку и поторопился уйти.

— Какой суд? — спросила Алиса; но Грифон только ответил «Пошли!» и побежал всё быстрее и быстрее.

Глава XI
Кто украл крендели?

Когда они пришли, Король и Королева Червей сидели на их троне, окружённые большой толпой; вокруг них собралось много разных птиц и животных, а также целая колода карт. Перед ними стоял Валет, весь в цепях, с каждой стороны его охраняли солдаты. Около Короля стоял Белый Кролик с трубой в одной руке и пергаментным свитком в другой. Посередине был стол с большим блюдом кренделей. Они выглядели такими вкусными, что Алиса почувствовала голод.

Алиса была в суде впервые. Но она читала о судах в книгах.

— Это судья, — сказала она себе, — потому что у него большой парик.

Судьёй был Король, и так как он надел свою корону поверх парика, то не выглядел уверенно.

— А это места для присяжных, — подумала Алиса, — и те двенадцать существ (она, как видите, сказала «существ», потому что некоторые из них были животными, а некоторые птицами), я предполагаю, присяжные заседатели.

Она повторила последнее слово два или три раза. Она очень гордилась: очень немногие маленькие девочки её возраста знали его значение.

Все двенадцать присяжных заседателей очень деловито писали на грифельных досках.

— Что они делают? — прошептала Алиса Грифону.

— Они записывают свои имена, — прошептал Грифон в ответ, — они хотят не забыть их до конца заседания.

— Дураки! — сказала Алиса громким, возмущённым голосом, но поспешно осеклась, потому что Белый Кролик крикнул:

— В зале суда не шуметь!

Король надел очки и тревожно огляделся.

У одного из присяжных заседателей был карандаш, который скрипел. Алиса обошла зал кругом и встала сзади, очень скоро у неё появилась возможностью забрать его. Она сделала это так быстро, что бедный маленький присяжный (это был Билль, Ящерица) ничего не понял.

Поэтому он начал писать пальцем; но всё было бесполезно.

— Зачитайте обвинение! — сказал Король.

Белый Кролик протрубил трижды, а затем развернул пергаментный свиток и начал читать:

Дама Червей напекла кренделей
В летний денёк,
Валет Червей набрал кренделей
И все уволок!

— Огласите вердикт, — сказал Король присяжным.

— Нет, нет! — торопливо прервал Кролик. — Давайте…

— Вызовем первого свидетеля, — сказал Король; и Белый Кролик трижды протрубил и позвал:

— Первый свидетель!

Первым свидетелем был Шляпник. Он вошёл с чайной чашкой в одной руке и куском бутерброда в другой.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — начал он, — но я пил чай, когда меня вызвали.

— И что? — сказал Король. — Когда ты начал?

Шляпник посмотрел на Мартовского Зайца, который вошёл рука об руку с Соней.

— Я думаю, что это было четырнадцатого марта, — сказал он.

— Пятнадцатого, — сказал Мартовский Заяц.

— Шестнадцатого, — добавила Соня.

— Запишите это, — сказал Король присяжным, и они торопливо записали все три даты, затем

сложили их и перевели ответ в шиллинги и пенсы.

— Сними свою шляпу! — сказал Король Шляпнику.

— Она не моя, — сказал Шляпник.

— Ты украл её! — воскликнул Король.

— Я держу их на продажу, — добавил Шляпник в качестве объяснения, — у меня нет своих шляп. Я — шляпник.

Тут Королева надела очки и стала смотреть на Шляпника. Шляпник побледнел.

Шляпник тревожно посмотрел на Королеву и в сумятице откусил большой кусок чашки вместо бутерброда.

Именно в этот момент Алиса почувствовала нечто странное: она снова становилась большой. Она хотела встать и покинуть суд, но потом решила остаться там, где была.

— Что ты делаешь? — спросила Соня, сидевшая рядом с ней. — Я задыхаюсь.

— Извините, — виновато сказала Алиса, — я расту.

— Ты не имеешь никакого права здесь расти, — сказала Соня.

— Не мелите чепухи, — сказала Алиса уже смелее, — вы ведь тоже растёте.

— Да, но не столь быстро, — сказала Соня.

И она встала, надувшись, и перешла в другой конец зала.

— Принесите мне список певцов с последнего концерта! — приказала Королева.

— Расскажи, что ты знаешь об этом, — сказал Король, — или я отрублю тебе голову.

— Я человек маленький, Ваше Величество, — начал Шляпник дрожащим голосом, — и я не закончил свой чай — я взял свой бутерброд и чай…

— Что? — спросил Король.

— Начинается с Ч, — ответил Шляпник.

— Конечно с Ч! — резко сказал Король. — Ты держишь меня за дурака? Продолжай!

— Я человек маленький, — продолжал Шляпник, — и как Мартовский Заяц сказал…

— Я не говорил! — весьма поспешно прервал его Мартовский Заяц.

— Говорил! — сказал Шляпник.

— Я отрицаю это! — сказал Мартовский Заяц.

— Он отрицает это, — сказал Король.

— Ну, Соня сказала, что… — Шляпник медленно продолжил, но Соня ничего не отрицала.

Она спала.

— После этого, — продолжал Шляпник, — я

отрезал ещё немного хлеба…

— Но что сказала Соня? — спросил один из присяжных.

— Не могу вспомнить, — сказал Шляпник.

— Ты должен вспомнить, — заметил Король, — или я велю тебя казнить.

Несчастный Шляпник выронил свою чашку и бутерброд и бросился на колени.

— Я человек маленький, Ваше Величество, — начал он.

— Ты очень плохой оратор, — сказал Король. — Если это всё, что ты об этом знаешь, то можешь сесть.

— Я хочу допить свой чай, — сказал Шляпник и посмотрел на Королеву, которая читала список певцов.

— Ты можешь идти, — сказал Король, и Шляпник поспешно покинул суд.

— …и отрубите ему на улице голову, — добавила Королева одному из офицеров, но Шляпник был уже далеко.

— Вызовите следующего свидетеля! — сказал Король.

Следующим свидетелем была кухарка Герцогини. Она несла в руке перечную коробочку. Стоявшие около двери сразу принялись чихать.

— Расскажи, что ты знаешь об этом деле, — сказал Король.

— Не буду, — сказала кухарка.

Король посмотрел на Белого Кролика, который тихо сказал:

— Ваше Величество должно заставить её говорить.

— Ну, если я должен, то должен, — сказал Король с грустным видом. Он сложил руки и, нахмурившись, поглядел на кухарку, а потом строго спросил её:

— Из чего сделаны крендели?

— Из перца в основном, — ответила кухарка.

— Из киселя, — сказал сонный голос позади неё.

— Поймайте Соню, — крикнула Королева. — Отрубите ей голову! Выкиньте из суда! Вытолкайте её! Отрубите ей голову!

В течение нескольких минут весь суд пребывал в сумятице, все бегали туда-сюда, пытаясь поймать Соню. Кухарка исчезла.

— Всё хорошо, — сказал Король. — Вызывайте следующего свидетеля.

Алиса посмотрела на Белого Кролика. Представьте себе её удивление, когда Белый Кролик назвал её имя:

— Алиса!

Глава XII
Алиса даёт показания

— Здесь! — крикнула Алиса, но она забыла, какой большой она была, и подпрыгнула. Край её юбки зацепился за места для присяжных и опрокинул их на толпу, стоявшую внизу.

— О, прошу прощения! — весьма тревожно воскликнула она и принялась поднимать их.

— Суд не может продолжиться, — сказал Король очень серьёзным тоном, — пока все присяжные не вернутся на надлежащие места, все — повторил он с большой силой и угрюмо посмотрел на Алису…

Алиса посмотрела на скамью присяжных и увидела, что в спешке посадила Ящерицу вверх ногами, и бедная маленькая Ящерица махала в воздухе хвостом, но не могла перевернуться. Алиса тут же взяла её и посадила правильно.

— Разницы нет никакой, — сказала она сама себе.

— Что ты знаешь об этом деле? — спросил Король Алису.

— Ничего, — сказала Алиса.

— Совсем ничего? — упорствовал Король.

— Совсем ничего, — сказала Алиса.

— Это очень важно, — сказал Король и повернулся к присяжным. Только они начинали записывать это, как Белый Кролик прервал их:

— Ваше Величество имеет в виду, конечно, Неважно, — сказал он очень почтительным тоном.

— Конечно, я имел в виду НЕважно, — торопливо сказал Король и продолжил: — важно– неважно-неважно-важно.

Он пробовал, какое слово звучало лучше.

Некоторые присяжные записали «важно», а некоторые «неважно». Алиса могла это видеть, она была достаточно близко.

В этот момент Король крикнул «Тишина!» и прочитал из своей книги:

— Правило Сорок два. Все люди ростом выше одной мили обязаны покинуть суд.

Все посмотрели на Алису.

— Я ростом не одну милю, — сказала Алиса.

— А вот и да, — сказал Король.

— Почти две мили, — добавила Королева.

— Ну, я не уйду, — сказала Алиса, — кроме того, это не установленное правило: вы только что его придумали.

— Это старейшее правило в книге, — сказал

Король.

— Почему тогда оно не номер Один? — спросила Алиса.

Король побледнел и поспешно закрыл свою записную книжку.

— Огласите приговор, — сказал он присяжным.

Его голос был тих и дрожал.

— Тут есть ещё кое-что, пожалуйста, Ваше Величество, — сказал Белый Кролик. Он подпрыгивал на месте. — Вот это письмо!

— Что в нём? — спросила Королева.

— Я не открывал его, — сказал Белый Кролик, — но думаю, что это письмо, которое Червонный Валет кому-то написал.

— Именно так, — сказал Король, — если только оно никому не было написано, что весьма необычно.

— Чьё имя на нём? — спросил один из присяжных.

— На нём нет никакого имени, — сказал Белый Кролик, когда посмотрел на письмо, — фактически, это стихи.

— Действительно ли почерк заключенного? — спросил другой присяжный.

— Нет, это не так, — сказал Белый Кролик, — и это самое странное.

— Он подделал чей-то почерк, — сказал Король.

— Прошу, Ваше Величество, — сказал Валет, — я не писал этого, и они не могут доказать, что я его писал. В конце нет подписи.

— Если ты не подписывал его, — сказал Король, — то это только усугубляет твоё дело. Честные люди всегда подписывают свои письма.

— Это доказывает его вину, — сказала Королева.

— Это ничего не доказывает! — сказала Алиса. — Да ведь вы даже не знаете, о чём стихи!

— Прочитайте их, — сказал Король.

Белый Кролик надел очки.

— Откуда начать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала, — серьёзно сказал Король, — и читай до конца, потом остановись.

Белый Кролик прочитал:

Они сказали мне, что вы сказали ей
И говорили ему обо мне:
Она дала мне хорошее имя,
Но я сказал, что не умею плавать.
Он послал им весточку, я ушёл
(Мы знаем, что это правда):

Если она протолкнёт это дело,
Что с тобой случится?
Я дал ей один, они дали ему два,
Вы дали мне три или больше;
Они все возвратились от него к вам,
Хотя они раньше были моими.
Я заметил, что он ей больше всех нравился
(До того, как у неё это появилось),
Я скрою это от всех остальных,
Кроме него, и вас, и неё.

— Это самое важное, — сказал Король, потирая руки. — Итак, пусть присяжные…

— Если кто-то из вас сможет объяснить это, — сказала Алиса, (она стала очень большой и не боялась Короля), — я дам ему шестипенсовик. Я не думаю, что в этом есть хоть капля смысла.

Присяжные всё записали:

— Она не думает, что в этом есть хоть капля смысла, — но никто не попытался объяснить, что всё это означало.

— Ещё лучше, — сказал Король. — Если в этом не будет никакого смысла, то у нас не будет никаких неприятностей.

Он положил стихи на колено и посмотрел на них одним глазом.

— В конце концов, я нашёл в них немного смысла. «Сказал, что я не умею плавать». Ты не умеешь плавать, не так ли? — спросил он Валета.

Валет печально покачал головой.

— Разве похоже, что умею? — спросил он.

(Это верно, ведь он был бумажный.)

— Итак, прекрасно, — сказал Король и продолжил. — «Я дал ей один, они дали ему два» — это то, что он сделал с кренделями!

— Но дальше говорится, что «они все возвратились от него к вам», — сказала Алиса.

— Точно! И что — разве после всего этого он невиновен? — торжествующе сказал Король. Он указал на крендели на столе. — Ничто не может быть яснее, чем это. Пусть присяжные вынесут вердикт!

— Нет, нет! — сказала Королева. — Сначала приговор — потом вердикт.

— Чушь! — громко сказала Алиса.

— Придержи язык! — сказала Королева.

— Не буду! — сказала Алиса.

— Отрубить ей голову! — закричала Королева во весь голос.

Никто не двигался.

— Кому до вас какое дело? — сказала Алиса (она выросла до своего нормально размера). — Вы всего лишь колода карт!

Тут вся колода карт поднялась в воздух и полетела на неё; она закричала и стала отбиваться от них — и оказалась на берегу, её голова лежала на коленях сестры.

— Просыпайся, дорогая Алиса! — сказала сестра. — Как долго ты спала!

— О, у меня был очень странный сон! — сказала Алиса и рассказала сестре все свои странные приключения.

Когда она закончила, сестра поцеловала её и сказала:

— Это был, конечно, странный сон, дорогая, но теперь беги домой попить чаю; уже поздно.

И Алиса встала и убежала.